

— Внимание! Помехи движению!

Рисунок Е. ГУРОВА

Андрей ВНУКОВ

ДОРОГА — В УМЕ...

Ах, дорога! Мечта — не дорога!
И не можешь запеть — запоешь!..
«Ах-дорог!», к сожаленью, немного,
«Ох-дорог!», «Ух-дорог!» —
не сочтешь...
Ух, дорога! Отдашь душу богу! —
Вот и кроешь, расходуя пыл,
И строителей, крывших дорогу,
И того, кто халтуру покрыл...
О заводе проявят заботу,
О дороге не видно забот.
Не подводят дорогу к заводу,
И подводит дорога завод...

Каждой стройки святое начало —
Утверждение всяческих смет,
Отпускается денег немало
На ближайшее множество лет.
Финансируют все понемногу
Из того, что потребно тебе:
И проект, и объект, и дорогу,
И т. д. и, конечно, т. п.

И вот тут начинаются муки:
Что построить сперва, что потом!
Если строить начать по науке,
То, конечно, с дороги начнем...
Но с дорогой затянутся сроки,
Да и смету придется ужать,
Лучше строить объект без дороги,
Чем с дорогой объект задержать...

Что для нас бездорожие летом!
Обойдемся, проложим к зиме...
И поправки выносятся к сметам:
«Стройка» — пишем...
«Дорога» — в уме...
Изменяется все и течет, и
Все уютней живем на земле,
А дорога обходит отчеты:
«Город» — сдали... «Дорога» — в уме...

Каждый ладит свое бездорожье
И, подобно бездумной куме,
Не поймет, что себе же дороже,
Если строить дорогу в уме...
А в итоге в дороге не раз мы
Среди ночи и белого дня
Выезжали на энтузиазме,
Бездорожье попутно кляня.

И порою в дорожных трясинах
На тропиночке, тропке, тропе
Мы турбины везем на машинах,
А машины везем на себе...
И плетутся станки-исполины
По нехоженым тропам во тьме...
Лишь проносятся в мыслях машины
По дороге, лежащей в уме...

Обойтись бы в семье без урода!
Только жаль, что в прекрасной семье
Городов, новостроек, заводов
Бедный родич — дорога в уме!
А строители! Разве легко им
Без дорог по весне, по зиме!..
Много пишем и многое строим,
А дорога! Дорога — в уме...

По «дороге в уме» недалеко
Ты уедешь... И чудится мне:
Недалекая эта дорога
Пролегла в недалеком уме!



— Работаем не по шаблону: каждая организация строит, как умеет...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

А. ХОДАНОВ

Тсс!!!

Я сижу за рабочим столом и вывожу на бумаге первую фразу будущего фельетона: «Двадцатый век — век техники». Между прочим, есть фразы, за употребление которых журналиста надо дисквалифицировать по меньшей мере на год... К их числу, бесспорно, относится и эта. Но ничего более путного в голову не приходит...

Вообще-то я сижу за столом, но это — если не закрывать глаз. Стоит их только закрыть, как сразу же оказываешься на перекрестке, в водопроводном люке, и через тебя и сквозь тебя с оглушительным снарядным воем мчатся МАЗы, БЕЛАЗы, УАЗики, ГАЗики и прочие участники непрерывной артподготовки:

— Гу-гу-ррбтдж-гб-гб-уб-уб-уб!!!

— Аг-аг-бббжаг-жаг-жаг-гбуббб!!!

— Ббах!!! Уб-уб-уб-ттррах!!! Гррухдбатчах!!! Гхдбум!!!

По сравнению со всей этой какофонией шум, производимый колесницей старика Зевса, кажется легким скрипом дачной калитки в тихую лунную ночь, и непонятно, почему, когда проезжал Зевс, мужественные древние греки так пугались.

Итак, я сижу в грохоте уютного кабинета, на высоте двенадцатого этажа, с изумительной индустриальной перспективой, открывающейся из окна. Сижу и героически пытаюсь сосредоточиться. В конце концов это удается.

Однако в этот самый момент в кабинет входит коллега и пытается объясниться со мной дедовским способом — при помощи устной речи, но его голос тонет в трясине стального грохота, а я только улыбаюсь в ответ и киваю. Расстаемся мы вполне довольные друг другом.

Я безотчетно смотрю на листок бумаги, лежащий передо мной, и читаю: «Двадцатый век — век техники» — и думаю, к чему бы это? Ах, да, это ведь истина, доступная трехмесячному младенцу, засыпающему под шорох колясочных рессор! Чуть позже бывший младенец убедится в этом фундаментально, освоив двухколесный велосипед. Еще позднее, несколько порастеряв в житейских передрягах свои кудри и отполировав костюм в области, прилегающей к спине, он, возможно, приобретет машину. А приобретя, вдруг ощутит, что живет не только в век техники, но и в век парадоксов.

Днем он станет любовно общаться с машиной, обретя постоянное ложе под брюхом ее, а ночью будет бежать от машин, превратив свое жилище в ДОТ с герметически закрывающимися окнами.

Кляня в хвост (выхлопную трубу) и в гриву (мотор) бесцеремонные автомобили, наш водитель заснет, приняв сразу четыре таблетки димедрола.

Но даже если бы принял он целую пачку, в доме 7 по Подкопаевскому переулку столицы (рядом с отделом ГАИ) ему не уснуть, ибо на тротуарах, залив их маслом и потеснив прохожих на проезжую часть, круглые сутки стоят с тарахтящими моторами машины межреспубликанского транспорта, самосвалы, бензовозы и прочие крупногабаритные экземпляры. Шумно замерло все в ожидании техосмотров и экзаменов на получение прав. Растекаясь по горячему асфальту, спрессованный автомобильный чад лезет в окна, в связи с чем сутки для жильцов делятся только на ночь и сумерки. И вместо первых петухов — канонада захлопываемых дверец, шакальи вопли тормозов и носорожье блеяние клаксонов — идеальное шумовое оформление джунглей во время отстрела хищников. Лучшим снотворным здесь, как видно, может быть только глубокий наркоз.

Отложив ручку с засохшими на пере чернилами, я раскрываю свой блокнот и нахожу любопытную запись: «Статистика, добытая с помощью ЭВМ, утверждает, что мотоциклист, промчавшийся ночью через Париж, поднимает на ноги 40 тысяч человек». Со скептической улыбкой читаю я эту запись, думая, что в Москве мотоциклист может поднять не менее полумиллиона. Погрози все они мотоциклисту пальцем, тот погибнет от сотрясения воздуха. Но минуют его угрозы — растворяется он во тьме ночной, как дымок от мотоцикла.

Не спеша набираю я в авторучку чернил и, прислушавшись к минной пальбе, от которой застонали перекрытия, испуганно гляжу в окно. Мимо редакционного корпуса гордо дефилирует кавалькада гигантских автокранов. Провожая их глазами, я думаю о том, как проходит время и меняются формы автомобилей в сторону космических закруглений. О том, что шум остается первобытным, я, разумеется, не задумываюсь. Это аксиома.

И тут я вспоминаю одно сенсационное газетное сообщение. Пытливые ученые упрятали в порядке эксперимента мучившихся от городского шума служащих в подвал с пронзительной тишиной. От неожиданного покоя у служащих заболела голова и начались галлюцинации. Дело наладилось, когда устроители прикатили в подвал автомобиль и завели мотор. Словом, организовали вполне нормальный нечеловеческий шум. У сотрудников появился румянец.

И мне становится жаль ответственных граждан, живущих на самой благоустроенной улице — Советской в городе Медногорске, Оренбургской области, которые не слышали об этом замечательном опыте. Иначе зачем бы они добивались, употребив свой вес и влияние, чтобы движение по их улице было закрыто и транспорт направлен в объезд, по другим, менее благоустроенным улицам?

Шаг, прямо скажем, неразумный. Однако же молва об этом начинании достигла поселка Усть-Абакан, что в Красноярском крае, и местные вершители судеб, обобщив опыт медногорских товарищей, вообще пустили транспорт только по одной улице Луговой. И это уже был настоящий перегиб во вред здоровью большинства.

Я поудобней уселся в кресле и даже потер руки, вспомнив, что мне ничто подобное не грозит: к счастью, у подножия редакционного корпуса бетонной паутиной раскинулся Самый Большой в Европе Путепровод со всеми вытекающими отсюда шумовыми последствиями, способствующими сохранению на щеках румянца.

Вы уже поняли, что при таком соседстве я не страдаю головными болями и галлюцинациями. Просто я иногда отключаюсь от действительности, что совсем не страшно и никак не влияет на качество работы. Вот сижу я, скажем, как бы в своем рабочем кабинете, но не на штормовом Бумажном проезде, а в тихой березовой роще, которой чуть-чуть коснулась осень... Блестят на солнце невидимые нити паутин, и доносится из прохладной чащи ленивая перекличка разомлевших от полуденной жары птиц... Ручка моя сама собой бегает по бумаге, и, как по волшебству, рождаются проблемы, из которых выстраивается фельетон.

Я пишу о том, что, планируя дома, мы всегда забываем о гаражах и неприкаянные машины баррикадами встают у подъездов...

Я пишу о том, что, запретив одно время сигналы на улицах, мы быстро забыли о запрете и спокойно внимаем душераздирающим гудкам, звучащим непрерывно...

Я пишу о том, что, строя дома на перекрестках перенаселенных машинами улиц, мы обрекаем сотрудников учреждений на переутомление и нервное расстройство, а жильцов еще и на бессонницу...

Я пишу о том, что, обучив водителя управлять машиной и выходить сухим из самых закрученных уличных водоворотов, мы совсем не научили его культуре общения машины с человеком, отчего водитель твердо числится в графе причин, способствующих инфаркту горожанина...

Я пишу...

— Гу-гу-ррбтжд-гб-гб-уб-уб!!! — врывается вдруг в мой кабинет, и тихая березовая роща растворяется в легком смоге. Я взмываю на двенадцатый этаж и оказываюсь в своем реальном мире.

— Аг-аг-бббжаг-жаг-гбуббб!!!

— Ббах!!! Уб-уб-уб-ттррах!!! Гррухдбтчах!!! Гхдбум!!!

Однако же, очутившись в привычном и здоровом гуле, я несколько смалодушничал и, высунувшись из окна, сложил ладони рупором и крикнул что было сил:

— Тсс!!!

Увы, никто меня не услышал...

Рисунок Л. НЕМИРОВСКОГО

Дорожные мысли

Дорога была уложена камнями преткновения.

Райдорога и дорога в рай отличались друг от друга, как небо от земли.

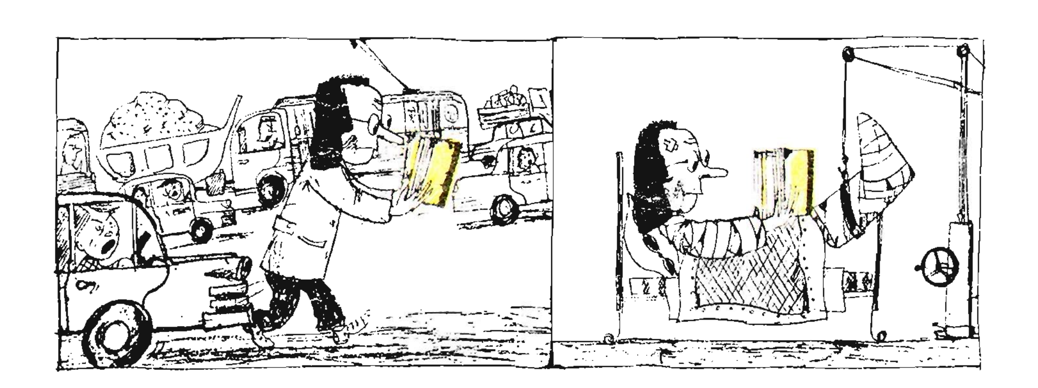
На дороге стоял только один указатель: «Все дороги ведут в Рим».

— Светящиеся знаки? Темное это дело...

Если на дороге пробка, в кювете — бутылка.

Когда строители дороги жмут на все педали, водители налегают на тормоза.

С. МАРКОВ



Роман с продолжением

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Вл. ПАНКОВ

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Рассказ

Стою я тут недавно на стоянке, жду пассажиров. Глаза закрыл, дремлю.

— Свободны? — Чей-то голос сквозь сон прорезался...

Я просыпаюсь, открываю глаза, потягиваюсь:

— Ну...

Какой-то «пиджак» (мы, таксисты, так зовем приезжих из сельской местности) дверцу открывает:

— Слушай, друг, не в службу, а в дружбу, ты все равно тут без дела стоишь... Ничего, если я к машине коня своего на время привяжу?..

— Чего? — вздрагиваю я.— Шутник!

— Да он у меня смирный... Я бы его так оставил, да боюсь: он первый раз в городе. — А сам, гляжу, уже к заднему бамперу повод привязывает.

— Э-э-э! — Я выскакиваю из машины.— Ты что, свихнулся, коня к машине привязывать?

— Ну так подержи. Очень прошу. Мне на одну секунду в справочное бюро отлучиться надо.

— Ладно, давай подержу (все равно делать нечего), только на секунду, не больше. А то отпущу жеребца на все четыре... Ищи тогда, свищи.

...Только он успел в вокзал забежать, вокруг меня народ стал собираться. Известное дело, конь в наше время в диковинку...

— Что, дядя, пассажира поймал? Не знаешь, как его в такси запихнуть?

— Ступайте, ступайте,— отвечаю.— Коня не видели?

— Видеть-то видели, ездить не приходилось. Интересно, наверно?

— Интересно, еще как интересно! Только я и сам никогда на нем не ездил.

— Коня иметь и не покататься?

Я отнекиваюсь, мол, чужая вещь, но публика настаивает. Наконец, берут меня несколько человек за локотки и сажают на коняшку. Просто так, из любопытства. Что выйдет...

А вышло вот что... Конь с испугу, что ли (шутка ли, первый раз в городе!), вдруг встал на задние ноги, на дыбы то есть, и... понес меня галопом или аллюром, я уж не знаю чем...

Вцепился я в его шею мертвой хваткой, словно в судороге, держусь, чтобы не грохнуться на асфальт, глаза закрыл, а он несет, несет, не разбирая дороги... Ему что? Ему на меня плевать...

— Стой,— кричу,— куда ты меня несешь? У меня же машина там беспризорная!

А он и ухом не ведет.

— Если уж в центр скачешь,— кричу,— так хоть держись правой стороны! Это тебе не Англия какая-нибудь. Правил не знаешь, деревня!

А ему хоть бы хны. Ему что? Он все равно не понимает. Лошадь, известно... Дует себе прямо на постового. Сейчас сшибет...

Постовой сначала даже заулыбался, предвкушая штраф, потом, смотрю, в лице переменился, попятился, в сторону рванулся... А когда мы мимо пролетели, залился свистком.

Конь от свиста еще больше перепугался — ходу прибавляет.

...Слышу, за спиной мотоцикл тарахтит. Голову повернуть не могу, но догадываюсь, что это за нами. Вот хорошо, думаю, сейчас милиция порядок наведет.

Но только конь от мотоциклетного треску еще быстрей припускает.

С мотоцикла кричат:

— Стой, стой!

Я смеюсь:

— Это вы ему скажите. Я-то что? Я тут случайно...

— Стой,— снова кричат,— оштрафуем!

— За что?

— Без номера!

— Здрасте,— кричу,— откуда номер? Это же конь. У него хвост...

— Нас не касается,— отвечают,— хвост не хвост, нам штраф нужен!

— Хватит болтать,— кричу,— с фланга лучше заходите, в обход! Может, тогда остановите.

Смотрю, мы уже центр давно проехали, через новые районы скачем. Мотоцикл к нам с фланга стал подбираться, но конь как шарахнется в сторону и по бездорожью пошел, по бездорожью. Через трубы, через канавы — через район новостроек... Милиция сзади застряла, квитанциями машет, а мой все гонит и гонит, не оглядываясь... Уже и за черту города вынес, по зеленым массивам шпарит. До того меня вытряс — имя-отчество свое не помню.

— Коняшечка,— говорю ему,— друг, товарищ, остановись, христом-богом прошу. Спины не чувствую, язык три раза прикусил...

Но, видно, конь непутевый попался: не останавливается. Гонит по кольцевой трассе.

Теперь, пока бензин весь не выйдет, остановки не жди, думаю. Так и будет по кольцу без конца гонять. Этак я и до послезавтра скакать буду, а у меня на шесть тридцать билеты на футбол.

Скачу, скачу, потом что-то совсем думать перестал. Болтаюсь в седле, равнодушный такой...

Уже и конь устал, пешком пошел, но я все равно слезть с него уже не могу. Словно прирос. Слился. Почти кентавр... Ни обоняние, ни осязание не работают. Отключился...

Но только конь мой, коняшечка (что значит домашнее животное), обратно дорогу домой нашел. К вокзалу привез.

Слышу голос:

— Ладно, слезай, хватит. Покатался и будет...

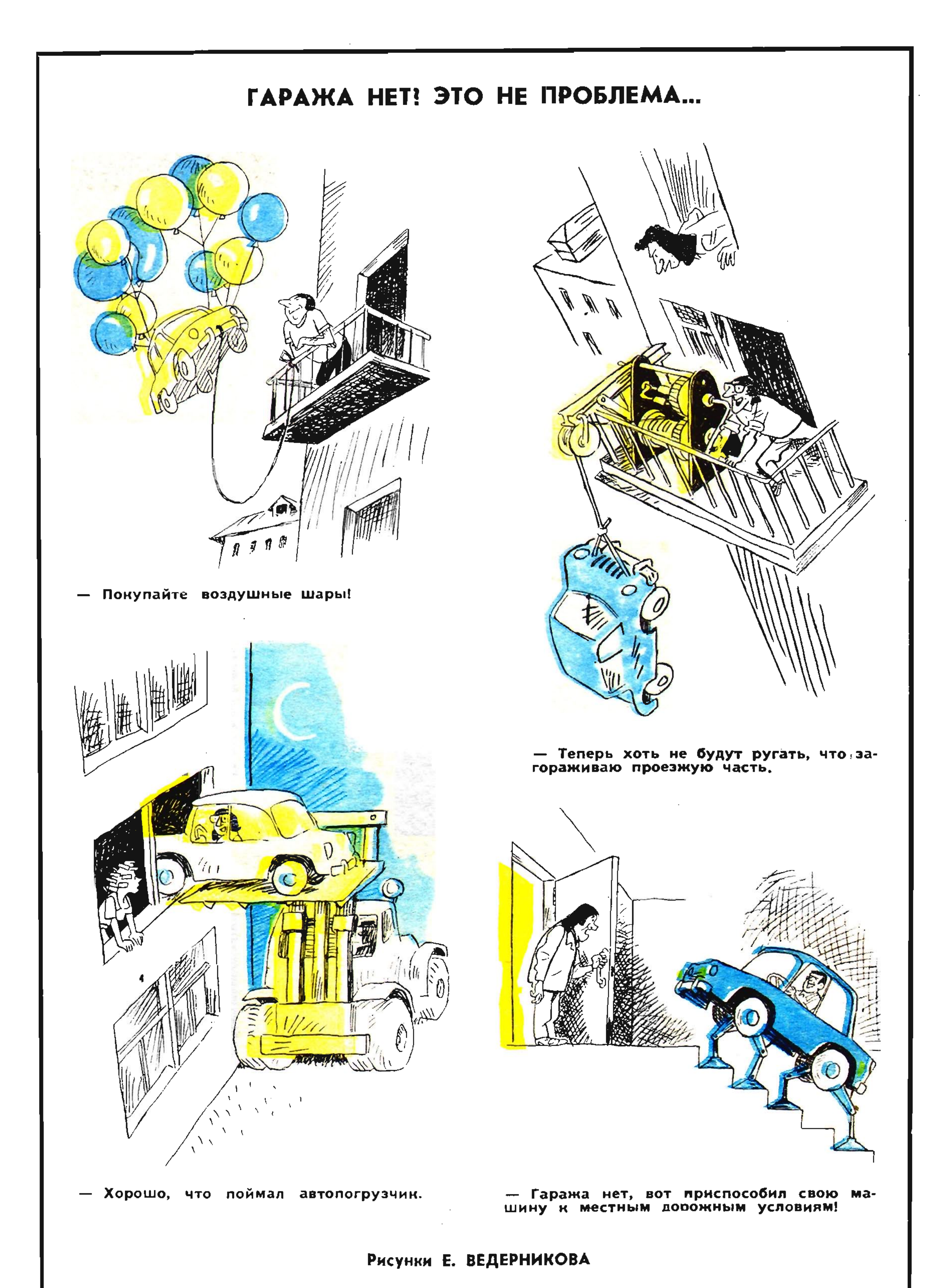
Этот приезжий, хозяин коня, ко мне подбегает... Я к нему, как к родному, на шею сверху... А на земле стоять не могу — ног нет. Приезжий поддерживает меня...

— Ну что? — смеется.— Теперь запомнил короткую дорогу до центра?

И тут я, конечно, вспомнил. Словно в тумане, но вспомнил... Как я этого приезжего до центра два раза вокруг города возил. По кольцевой. Укатал его, помнится, на совесть...

Это ж надо, какая у людей злопамятность!

ГАРАЖА НЕТ? ЭТО НЕ ПРОБЛЕМА...



— Покупайте воздушные шары!

— Теперь хоть не будут ругать, что загораживаю проезжую часть.

— Хорошо, что поймал автопогрузчик.

— Гаража нет, вот приспособил свою машину к местным дорожным условиям!

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

Дмитрий ИВАНОВ, Владимир ТРИФОНОВ

ИЗ ПУНКТА "А" В ПУНКТ "Б"



Тот, кто оказался на дороге, не может холодно философствовать. Он свирепо смотрит в затылок чадящему самосвалу, обогнать который не позволяет узость шоссе. Он, словно ветряк, машет руками проезжающим автобусам, тщетно пытаясь выклянчить хотя бы стопку бензина. Он неласково обзывает славную бабусю, едва успевшую отскочить от радиатора. И постепенно его пронизывает чувство глубокого сострадания к братству людей за рулем. Ему становится понятен и тоскливый взгляд шофера, томящегося в хвосте колонны у железнодорожного переезда, и образный язык дорожных знаков.

Эти знаки мы позволили себе расставить на дороге своего повествования, надеясь, что это поможет читателю.

И пусть его не смущает, что первый же знак предписывает развернуться и возвратиться назад.



Место разворота

Еще даже не на заре автомобилестроения, а просто на заре цивилизации жители Древнего Рима говаривали друг дружке: «Виа — вита!». По-нашему это означает: «Дорога — жизнь!». Какой такой чрезвычайной жизнью была тогда дорога для людей в сандалиях на босу ногу — бог ее знает. Но, верится, римляне сочинили этот афоризм не только по привычке сыпать крылатыми выражениями.

Мысль эта, видно, не раз посещала и крестьянина из Казанской губернии по имени Леонтий Шамшуренков. Иначе с каких-таких радостей начал бы он мастерить «самобеглую коляску, которая будет бегать и без лошади, только правима будет через инструменты двумя человеками, стоящими на той же коляске, кроме сидящих в ней праздных людей. А бегать будет хотя через какое дальнее расстояние и не только по ровному местоположению, но и к горе, буде где не весьма крутое место».

Но не предвидел наш замечательный умелец, что с появлением большого количества самобеглых колясок начнет стремительно происходить



Сужение дороги

Нет, разумеется, ее не делают все уже и уже. Дорога просто становится тесна и мучительно тихоходна. «Запорожцы» и «Москвичи» путаются под колесами силачей «БелАЗов». Красавицы «Волги», царапая бока, протискиваются сквозь потоки «ПАЗов», «Икарусов» и «ЗИЛов». Из Тольятти денно и нощно двигаются веселые вереницы «Жигулей». И не сегодня-завтра истерзанный асфальт начнут утюжить могучие автодети с Камы. И тут приходится ломать голову над решением простых задач.

СТАРАЯ ЗАДАЧА

Из пункта А в пункт Б вышел пешеход, идущий со скоростью 2 километра в час. Через полчаса вслед за ним вышел другой пешеход, идущий со скоростью 4 километра в час. Кто из них раньше прибудет в пункт Б, если расстояние между А и Б — 12 километров?

НОВАЯ ЗАДАЧА

Из пункта А в пункт Б вышел самосвал с цементом, движущийся со скоростью 60 километров в час. Через полчаса вслед за ним вышла автомашина «Волга», идущая со скоростью 120 километров в час. Кто из них раньше прибудет в пункт Б, если расстояние между А и Б — 240 километров?

Легко представить себе действующих лиц старой задачки. Первый пешеход, должно быть, человек тучный или хромой, второй же, напротив, шустрый и обгонит первого в два счета. Даже если первый не уступит тропинку, шустрый или спихнет его в сторону или обежит полем.

Новая задача обманчиво похожа на старую. Автомашина «Волга», несмотря на свои прекрасные ходовые качества, все же притащится в пункт Б на хвосте у самосвала. Самосвал, возможно, и был бы душевно рад пропустить ее вперед, чтобы не вносить путаницы в арифметику. Но съезжать для этого в кювет ему не улыбается.

Есть ли решение у подобных задач? Вот это-то мы и хотели проверить, начиная свое автопутешествие от знака



Перекресток

В наше время он заменяет придорожный камень с грубыми словами: «Направо поедешь — коня потеряешь. Налево поедешь — сам пропадешь...» А что сулила поездка прямо, даже и вспоминать не хотелось: что-то совсем уж неприемлемое.

Обнадеживает, правда, то, что из Москвы пролегают не три дороги и все-таки возможно остановить свой выбор на той, где есть шансы не пропасть самому и не загнать до смерти своего механического коня.

Такой в розовых мечтах нам представлялась дорога Москва — Ярославль, первейшая среди всех наших дорог по интенсивности движения. Больше сорока двух тысяч машин в сутки — разве это не впечатляет? А семьдесят миллионов рублей, заложенные в сметы реконструкции шестидесяти двух километров этой дороги, — разве это не звучит? Ведь если эти деньжищи разменять на медяки, то ими можно тракт выстелить.



Ремонтные работы

За время пути мы полюбили этого труженика с лопатой. Ни на одном из знаков мы не видели, чтобы он отдыхал, покуривал, опершись на свой инструмент, или ел принесенные женой бутерброды. Мы как-то сроднились с ним и даже догадались, как его зовут. Это Сизиф. Сизиф, обреченный в мифологии бессменно катить на гору камень. На сегодняшней дороге Сизиф занимается «перманентной реставрацией», как любят говорить дорожники. За изящным звучанием слова «перманентная» не забудем его простого смысла: «постоянная, непрекращающаяся». Изменились времена, стала другой и сизифова задача. Теперь он должен постоянно подлечивать израненное тело пути. А поскольку пациент стар и изъезжен, болячек у него не перечесть. И вот новые асфальтовые заплаты ложатся на старые, скорая дорожная помощь мечется между пунктами А и Б, с трудом поддерживая жизнь там, где нужна решительная животворная операция. Такой операции настоятельно требуют увеличившиеся скорости и нагрузки.

Справедливости ради надо сказать, что нынешние дорожники не так глупы, как упомянутый герой давнишнего мифа, которому давно следовало бы плюнуть на его камень или по крайней мере делать свое бессмысленное дело с меньшим усердием. Дорожники работают неспешно.





Дети

Этот знак следовало бы повесить у въезда в Ярославль, там, где поистине с детсадовским размахом ведется реконструкция мизерного участка шоссе длиной в два километра сто метров. Пара экскаваторов неторопливо кусает земляной вал, стараясь, как говорят дорожники, «уширить полотно» до проектных 11 метров 75 сантиметров. Особенно умиляет эта сантиметровая точность, достижение которой — еще дело неясного будущего. Пустить в ход элементарный скрепер тут не позволяют стоящие поблизости столбы с проводами. И вот в ожидании какого-нибудь разумного решения и чтобы не лишить людей возможности иметь свет и разговаривать по телефону, работа движется в полковша, очень напоминая детские игры в песочнице.



Лагерь автотуристов



Телефон



Пункт медицинской помощи



Пункт питания

Эти очень нужные знаки нам, как видите, пришлось просто свалить в кучу, поскольку, где их расставлять и развешивать на дороге, никому не известно. Во всяком случае, на дороге Москва — Ярославль любой из них был бы недоброй насмешкой над человеком в автомобиле.

А человек в автомобиле неприхотлив, терпелив, сдержан.

Нету мотелей, кемпингов? Чепуха. Человек отдыхает под первым же кустом.

Негде перекусить? Пусть. Человек грызет вчерашний бублик, предусмотрительно схваченный еще в Мытищах.

Нет телефона? А он и не рассчитывал на подобную роскошь.

Нет на пути медпункта? Какие мелочи! Человек закуривает еще одну сигарету, чтобы убаюкать ноющий зуб. И он не стонет, не кричит. Ни в этих случаях, ни в каких других. Человек за баранкой запомнил раз и навсегда:

Подача звукового сигнала запрещена



Мать-природа еще и еще раз выручает нас, предоставляя свои светлые речки и тихие омуты для мытья заляпанной машины и мелкой постирушки перед въездом в город. Но не текут в наших краях бензиновые реки. Нет омутов со смазочным маслом и антифризом. Никто еще не видал шинного дерева или цветущего куста с жиклерами. Потому-то, видно, так редко встречаются:

Пункт технического обслуживания





и Автозаправочная станция

Зато есть много мест, где необходимо водрузить вот такой знак:

Прочие опасности



Согласитесь, это один из наиболее выразительных знаков, тем более что, по утверждению специалистов многие наши дороги не удовлетворяют техническим условиям движения современного автотранспорта, просятся на покой.

К неприятному лику «прочих опасностей» можно причислить и щедрое посыпание дорог солью зимой, ибо соль с равным успехом разъедает и шины и металлические детали.

Или возьмите разметку дорог. Впрочем, взять ее трудно. Во всяком случае, на дороге Москва — Ярославль. Может, ее и размечают. Но по дороге носятся проклятые машины, дождь идет, поземка крутится, солнце жарит, та же соль жрет краску. Разве краска устоит против всего этого? Это ведь вам не какой-нибудь термопластик, которому по нескольку лет ничего не делается.

Что же касается дорожных знаков, которые столь ярко и весело смотрятся на странице журнала, то на дороге их может разглядеть только глаз прирожденного охотника. Правда, поговаривают, что где-то уже овладевают секретами производства светоотражающей фольги и что в обозримом будущем дорожные знаки, как путеводные звезды, засияют на наших автомагистралях.

А пока неплохо было бы наштамповать великое множество таких вот кружочков:



Автомобильное движение запрещено

Спрос на такие знаки наверняка будет опережать предложение.

Второе место по количеству могут занять знаки:



Скользкая дорога

Их хорошо бы придать проектным организациям, проектирующим дороги с красивым названием «морально устаревшие». А попросту говоря, дороги, которые к моменту завершения строительства уже никуда не будут годиться.

Целый букет запретительных знаков следует развесить над владениями разнообразных заказчиков, ставящих проектные организации в жесточайшие временные и финансовые рамки, лишающих их возможности проектировать по-научному, с учетом новой техники и современной технологии.



Проезд без остановки запрещен

Ну, что же, давайте остановимся и поглядим, это лепят очередного «морального старика», очередную дорогу. Впрочем, «остановимся» — сказано не совсем точно. Желающий во всем разобраться неизбежно натыкается на



Круговое движение

— Господи! — со слезами в голосе восклицает человек за рулем. — Что же вы, ироды, из дороги лоскутное одеяло сотворили?

— Строили бы получше, латать бы не пришлось, — меланхолически отзываются эксплуатационники.

— Да у нас не дорога — золото! — со знанием дела замечают строители. — Один километр четырехполоски чуть ли не целый миллион стоит. Дорого, да мило. А потому, братцы, мило, что план у нас в рублях, отнюдь не в километрах. Это наше дело — как мы эти означенные рубли осваиваем. Пожелаем, будем грунт в Москву из Ташкента возить. Ездка туда, ездка обратно — вот и рубли к концу, и план в кармане. А что касается качества — от проектов не отступаем.

— Сильны! — нервно улыбаются проектировщики. — Вас бы так к стенке прижали, как нас заказчики. Да дайте нам человеческие сроки, мы вам такую красавицу на кальке нарисуем и на ЭВМ вычислим — пальчики оближете. Оптимальную по всем параметрам.

— Ты мне терминами своими голову не дури, — отмахивается заказчик. — Ты мне обеспечь выполнение стройплана. Сдай в срок что надо. А за качество и прочую лирику у меня упомянутая голова не болит. Мое дело — принять да и сойти с дороги.

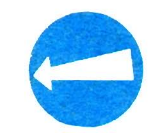
— Ага! — несколько оживляются дорожники.— А маяться-то нам. Битум — в последнюю очередь. По нашей дорожной технике давно уже утиль плачет.

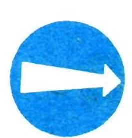
— Намек поняли,— тонко усмехаются машиностроители.— В принципе мы могли бы дать вам такие дорожные машины, какие вам и в послебанкетном сне не являлись. Но какой прок? Им и развернуться негде. Вы же не дороги — садовые дорожки строите. Лоскут к лоскутку шьете...

Круг замкнулся.

Разумеется, ничего подобного нам не приходилось слышать на дороге Москва — Ярославль. Разговоры эти ведутся на другом уровне. Но их последствия, последствия дикой разобщенности проектировщиков, заказчиков, строителей и эксплуатационников видны и на той дороге, которую выбрали мы, и на тех, которых мы не выбирали.

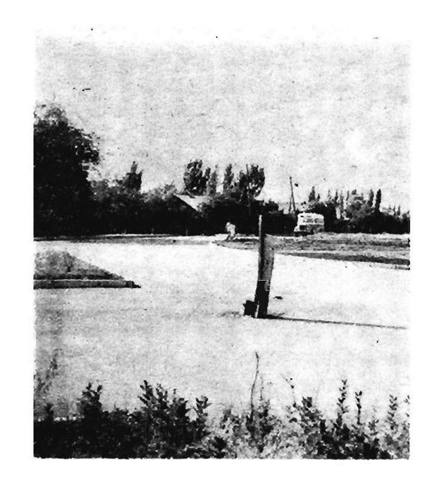
И все-таки наше путешествие не было утомительным. Чтобы и вас не укачало на ухабах нашего повествования, мы заканчиваем его. Заканчиваем последним знаком:





Направление объезда препятствий

Указывать его вне нашей компетенции. Но скорее всего препятствия не нужно объезжать, а их надо убрать с дороги объединенными в государственном масштабе силами научной мысли, четкого планирования, разумного финансирования и честного труда. Не может быть терпимо на наших дорогах такое положение, при котором левая рука не знает, что делает правая. Дорогам нужен единый хозяин. Ну, а как только появится у всех дорог один хозяин, он, конечно, быстро решит, как можно снизить убытки от бездорожья, которые на сегодняшний день просто вопиют.



В ОЖИДАНИИ КАТАКЛИЗМОВ

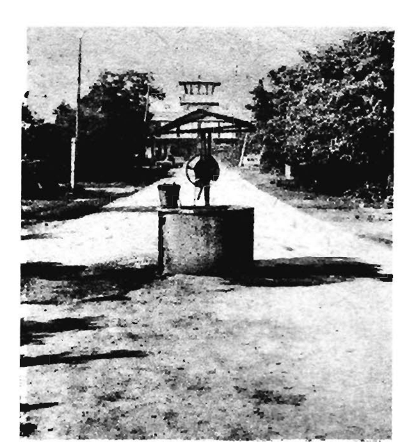
Несколько лет назад весь мир затаил дыхание, ожидая предсказанного астрономами столкновения кометы Икейя — Секи с Землей. К счастью, астрономы ошиблись. Комета прошла мимо.

— Ожидаются ли в ближайшем будущем какие-нибудь другие подобные катаклизмы в космосе? — с таким вопросом наш корреспондент обратился к светилу астрономии д-ру А. Бетельгейзе.

— Да, — ответил ученый. — 6—10 октября 1972 года Земля столкнется с метеорным потоком Дракониид. Этот поток связан с кометой Джакобини — Циннера, дававшей в прошлом обильнейшие метеорные дожди. Помимо этого, я с уверенностью могу предсказать еще два катаклизма. Правда, не столько как астроном, сколько как автолюбитель. Недавно мне довелось побывать в Алма-Ате и Каменец-Подольском.

Посмотрите на эти снимки, кстати, они сделаны без помощи телескопа. На первом запечатлен перекресток проспекта Гагарина и Витебской улицы в Алма-Ате. На втором — подъезд к Каменец-Подольскому аэропорту. Посреди проезжей части колодец.

Не нужно быть астрономом, чтобы, вычислив траектории движения метеоритн..., простите, автомобильных потоков, с уверенностью предсказать, что в этих точках земного шара произойдут, может быть, и не космические по масштабам, но достаточно впечатляющие катастрофы. Поэтому я и как астроном и как автолюбитель предпочел бы оказаться за рулем машины не в этих местах, а где-нибудь на пыльных тропинках далеких планет. Там явно безопаснее.



Е. МАТВЕЕВ,
специальный
корреспондент
Крокодила



СТОП!

Как средство передвижения признаю только самолет и собственные ноги. Но в то засушливое лето таежные пожары надежно продымили небо, и самолеты сидели там, где застала их серая мгла. Пахло дымом.

«Полсотни, полсотни пять»,—ежедневно радировали метеостанции о вертикальной видимости. Над тайгой летали только пожарные самолеты.

Чтобы выбраться с верховьев Индигирки в Москву, надо было ждать либо дождей, либо ехать до Магадана Колымской автотрассой.

Больше тысячи километров было до Магадана.

Но повезло. Залетный, закоптелый, толстоватый воздушный пожарный разведчик АН-2 «подбросил» меня-таки до Усть-Неры, и километров до Магадана осталось уже не больше тысячи.

И еще везение: в Усть-Нере диспетчер автобазы сразу обрадовал меня известием, что как раз через час и как раз в Магадан отправляется на бензовозе Николай Кяркин.

О чем главная печаль-забота пассажира, путешествующего не на самолете?

О пище, конечно. На весь путь надо запасаться, потому что совершенно неизвестно, где и когда будет питательный пункт, и будет ли он открыт, и будет ли он вообще. Это в центральных областях.

А тут настолько Дальний Восток, что даже к Крайнему Северу приравнен. Тут тем более.

Поэтому с автобазы я сразу ринулся в продовольственный магазин и торопливо напихал в рюкзак консервов, компотов, галет...

— Хех! — сказал шофер Николай Кяркин, когда мы выехали из Усть-Неры и я, устраиваясь поудобнее, принялся перекладывать банки с места на место. — Это ты что, себе в Москву продукты питания прихватил? Из интересу, а? Вот, мол, братцы, колымский «Поросенок в собственном жилье», а? Ха-ха-ха!

«Легкомысленный, — думаю, — шоферишка мне попался!»

И впрямь. Обычно-то, в центральных-то областях, шофер с собой порою даже суп прихватывает, зная, что иначе о водителе никто не позаботится, а у этого даже кружки нет. Хорошо, я на двоих запасся.

Однако на пути возник поселочек, мы как-то так странно, совершенно так спокойно поужинали и покатили дальше.

Пересекли долину какой-то речки, по сопкам запетляли, вдоль скал, «зачехленных» разноцветным бархатным лишайником. Прохладнело.

«И теплой одежды у него нету,— недоумевал я. — В тенниске, что ли, спать собирается... Хорошо, у меня одежды на двоих хватит».

Однако опять наехали на поселочек, еще раз поужинали и переночевали в таком удобном двухместном гостиничном номере, какие и в областных центрах не всегда бывают.

«Ну ладно, — думаю. — А ну как целую вечность до следующего поселка ехать придется: что тогда?».

Как раз на другой день к вечеру никаких селений, судя по карте, не предвиделось.

К вечеру Кяркин явно заторопился, то и дело поглядывая на часы.

«То-то! — думаю. — Только чего уж теперь гнать — до ближайшего прииска километров полтораста еще!»

Однако, выскочив из-за скалы, мы вдруг наткнулись на три домика, стоявших на искусственной площадке возле самой дороги.

Кяркин выпрыгнул из кабины и к домику. Я за ним.

В крохотном кабинете сидела пожилая тетя. Она взяла у шофера путевой лист, взглянула и сурово сказала:

— Почти час лишний!

Видно, Кяркин заранее приготовился к этому малопонятному для меня разговору, потому что задискутировал проникновенно и без запинки...

Тогда тетя взяла будильник и предупредила:

— Когда наговоришься, тогда и время засеку.

Кяркин с разбегу умолк. Вздохнул: «Ваша взяла» — и отошел от тети.

Тогда я за него принялся, с вопросами пристал. И оказалось, что хоть попал я на трассу автомобильную, но порядки на ней по-настоящему авиационные.

По всей трассе сидят диспетчеры, и никакой шофер не имеет права проехать мимо такого диспетчера, не отметившись у него. А диспетчеры сидят при шоферской гостинице. И смотрят: как накопилось у шофера двенадцать часов беспосадочной, безостановочной то есть езды, — так марш в постель и спать не меньше четырех часов. Больше можно.

При гостинице — круглосуточная столовая, душ, прачечная, сушилка для одежды и обуви.

На больших перегонах между поселками такие диспетчерские пункты построены специально на пустом месте, чтобы все равно не миновать отдыха.

А вот Кяркин не уложился, ехал на час дольше, и теперь ему грозили административные неприятности.

— Я вашу Москву, — говорил он тем не менее на следующем перегоне, — ну, нисколько вот не уважаю как шофер! Никаких комфортов, одна маета!

— А сам-то откуда?

— Из Москвы.

* * *

Совсем недавно я снова побывал в Магадане. Пока экипаж грузового самолета, на котором я прилетел, отсыпался после ночного рейса, я сходил на Колымскую автотрассу. Из любопытства остановил наугад машину и спросил водителя, не изменились ли порядки.

— Какое там! — радостно разругался шофер. — Совсем озверели! Прямо не работа, а детские ясли со всякими там пеленками-распашонками, ей-богу!..

Колыма.

На совещание по вопросу о дорогах...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА



Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

КРОКОДИЛЬСКАЯ АВТОИНСПЕКЦИЯ

Письмо с дороги

Дорогая Катя!

Не обижайся, что давно тебе не писал. Я по-прежнему живу в Тюмени, в двух шагах от кинотеатра «Космос». Но не возле детской поликлиники, как прошлый раз, там вовсе гиблое место, а там, где напротив детсада расположена средняя школа. В прошлом году, ты помнишь, там еще грязи было по кузов.

В общем, это то самое место, где год назад канализацию прорвало. Ее до сих пор не починили. Каково детям?!

Но, дорогая Катя, не подумай, что это то место, где лет 70 назад утонула в грязи лошадь. Вовсе нет! Лошадь та утонула на базаре, а я нахожусь в самом центре города. За меня не волнуйся. Живу я ничего. Сплю в кабине. Питание забрасывают тимуровцы. Музыка из кинотеатра «Космос», так что не скучаю. К октябрю горисполком обещал либо вытащить меня, либо починить дорогу, так что уже недолго ждать.

Поцелуй детишек. Пиши мне по адресу: г. Тюмень, Рижская улица, третья лужа от угла, Коле С.

P. S. Может, ты мне не веришь — посылаю тебе фотокарточку: я на своем самосвале на ул. Рижской в г. Тюмени.

Твой Коля.



Нелегкий испуг

ТРАМВАЙ ЖЕЛАНИЯ



Съезжалися к загсу трамваи —
Там вроде бы свадьба была...

Откуда такая неуверенность? Почему вроде бы? Поясним. Вроде бы был жених — электросварщик Виталий Зеленков. И вроде бы он исчез прямо на глазах у невесты. А исчез он вроде бы потому, что сперва был вроде бы трезв, а потом, приняв, как говорится, полкило, стал определенно не в себе и, игнорируя подземный переход, решил идти нехожеными тропами прямо по проезжей части.

На одной из троп, как позднее утверждал Зеленков, бросился на него синий зверь с окнами, о двух усах на крыше, сильно помял, потоптал и, порвав ухо, выплюнул.

Попал жених в больницу, лишив нас уверенности относительно свадьбы.

Другой, тоже, может быть, потенциальный жених,— рабочий Дорогомиловского рынка И. Сватков, пересекал как-то с приятелем Кутузовский проспект в Москве. Он уже имел на «боевом счету» первые двести граммов и шел, сжимая в горсти накопления на «добавку». Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая, это он точно чувствовал. Так они и шли — по возможности прямо и верхом.

И надобно же беде случиться: именно в это время и тоже по проезжей части ехал по своим милицейским делам инспектор на мотоцикле.

«Выпивка или штраф?» — мелькнуло в голове. Выручила быстрота реакции: приятели рванули обратно. Так И. Сватков узнал, что водка не входит в больничный рацион.

И в заключение еще раз о трамваях, съезжавшихся к загсу.

Сохранились некоторые дополнительные подробности об этом событии: а) невеста была в белом платье, и звали ее Алла Романова, б) жених был весь в черных штанах и уважал Аллу как женщину и партнера по десертному и крепленому. Как-то во время официального визита распили будущие супруги бутылку и что-то в женихе не понравилось невесте. То ли общее выражение лица, то ли черные штаны. И вышла Алла сперва из себя, а потом на улицу, сказала жениху суровые слова и ушла с тротуара на проезжую часть подальше от обидчика.

Вот тут-то она и столкнулась с одним из трамваев, спешивших к загсу, а может быть, и не к загсу, а так просто, по своим трамвайным делам.

Это был хороший трамвай. Он только чуть-чуть подтолкнул Аллу, немного испачкал платье и совершенно протрезвил.

Бывают же такие трамваи!

У. М.

г. Москва.

Репортаж

СТО СТРОК С МЕСТА СОБЫТИЙ



Улица Симферопольская напротив 4-го Мандрыковского спуска — знаменитое место, где юркий «Запорожец» целиком скрывается в дорожной выбоине, а могучий МАЗ переворачивается кверху скатами, как майский жук.

Мы прибыли сюда как раз вовремя: грузовая машина 78-06 ДНЗ с прицепом № 85-13 ЭР лежала на боку на том самом месте, где обычно переворачиваются днепропетровские грузовики. Молодой водитель с мужественным лицом охотника на тигров спокойно ждал подъемного крана.

— Что вы думаете о качестве некоторых днепропетровских дорог, о государственных убытках и дорожно-строительной деятельности Днепропетровского горсовета? — с таким вопросом обратились мы к водителю.

Речь молодого человека составила остальные шестьдесят три строки настоящего репортажа с места события. К сожалению, по техническим причинам она никак не может быть воспроизведена на страницах журнала.

И. ЖУКОВ,
г. Днепропетровск.

На сорокаградусных широтах

ДВА ДРУГА

Жили два друга. Нет, нет. Ни в каком не в полку. В автохозяйствах.

Один из них был водитель такси из 9-го таксомоторного парка. Другой — водитель автопогрузчика с завода имени Лихачева.

Один был романтик и мечтатель.

Другой — реалист и практик.

Одного звали С. Духовнов.

Другого — А. Филиппов.

И вот как-то встретились наши друзья. А произошло это так. Мечтатель С. Духовнов гнал свою «Волгу», мечтая о... впрочем, о чем он мечтал, он и сам не помнит.

В этот иллюзорный момент из-за угла выехал на автопогрузчике реалист А. Филиппов. Будучи, как нам известно, не только реалистом, но и практиком, он успел к этому времени пропустить стакан вина.

Увы, вино проклятое! Оно и не таких практиков сбивало с толку: А. Филиппов двинул прямиком из правого крайнего в левый крайний ряд, не обратив на друга С. Духовного никакого внимания.

Они столкнулись — лед и пламень.

Конь и трепетная лань.

Когда все пришли в себя и выяснилось, что жертв, слава богу, нет, один из них вытер слезу рукавом, ладонью смахнул другой.

Реалист лишился прав на год, а идеалист — на три месяца.

М. КИСЛОВ

РОМАНТИКА НА ДОМУ

Навигация у нас начинается с началом летнего сезона. Мы имеем в виду г. Нефтекумск-1, Ставропольского края, улицы Октябрьская, Луговая, Анны Шилиной и Чехова.

В этот период мы не зеваем, памятуя, что день год кормит. Стараемся и продуктов накупить, и дровишек завезти, и в кино набегаться.

Навигация у нас кончается с первыми осенними дождями. Тут уж если кило сахару понадобится — жди попутного трактора. Он тебя забросит к продовольственному ларьку, что на улице Чехова. Бери пряники, вези гостинец деткам. А бывает, ларек пуст — не смог туда пробиться караван тракторов. Затерло-засосало дорожное покрытие.

Так вот и коротаем осенне-весенние дождливые вечера. Пересказываем друг другу фильмы, что видели летом, детишек после похода в школу отмываем-отстирываем и никак в толк не возьмем, почему бы нефтекумскому заводу бетонных изделий, горисполкому и дорожникам не прикрыть навигацию, не замостить улицы.

В чем и подписуемся

КУЗНЕЦОВ, БУТЯКОВ, ФАХРЕТДИНОВ, ТКАЧЕНКО — всего 72 навигатора

Маленькие хитрости

КАК СДЕЛАТЬ МОСТ

Очень просто. Выберите оживленную транспортную магистраль, такую, как улица Ворошилова в станице Натухаевская, Анапского района, Краснодарского края.

Накопайте ям на проезжей части. Убедитесь, что по улице нельзя не только проехать, но и пройти.

Убедились? Теперь можете уходить, как это сделали дорожники в станице Натухаевской.

Теперь конный и пеший будет знать, что вы при деле,— строите мост. А жители! Что же, у них тоже масса развлечений: писать в райисполком слезные челобитные, строить падьи — словом, применять свои маленькие встречные хитрости.

Жители улицы Ворошилова

У самого восхода

Ну, что тебе сказать про Сахалин? Про погоду ты уже знаешь — на острове нормальная погода. Чем еще занимаются романтики на этой легендарной земле? Бросают камешки с крутого бережка далекого пролива Лаперуза. И это никуда не годится, ибо камешки, то есть гравий и прочие инертные заполнители, надо срочно бросать не в пролив Лаперуза (его все равно не завалишь), а в выбоины на сахалинских дорогах. Взять хотя бы восьмикилометровый участок дороги от поселка Быков, Долинского района, до поселка Углезаводск. Тот самый, который местные асы-шоферы преодолевают за 35 минут. Пробовали ездить быстрее, но на финиш прибывали либо с развороченным мостом, либо с согнутым в дугу карданом.

Ну, что тебе еще сказать. Послушаем лучше старожила Сахалина шофера П. А. Катаева:

— В нашем районе никакого внимания дорогам. Нередко бесполезный ремонт делают: засыпают дорожные ямы и не разравнивают. Кюветы заросли травой, в них постоянно стоит вода.

В поселках сплошная грязь. Автомобили вырывают тракторами, аж крючья летят.

В. ПЕТРЕНКО

По вине стихии

В районном центре Шатрово автозаправочную станцию начали строить более трех лет назад. Но не в этом дело. Бывают стройки и старше. К примеру, гораздо дольше строился Казанский собор. Или Бруклинский мост. Вот еще с Панамским каналом была канитель.

И, может быть, АЗС выстроили бы скорее, но все время что-нибудь мешало шатровским строителям.

К примеру, когда подошла очередь ставить колонки, оказалось, что емкости для горючего заложены не там, где надо. Пришлось их выковыривать из земли и закапывать там, где надо.

Управились с этим делом — пришла другая беда. Подул северный ветер, начисто сдул с АЗС крышу и брякнул ее на землю. Конечно, весь кровельный материал вдребезги.

На этом возня с АЗС прекратилась. Наши водители ездят на заправку за 4 километра, куда в ненастную погоду можно добраться лишь с помощью трактора.

с. Шатрово,
Курганской обл.

В. ФРИБУС,
директор Шатровского автопредприятия

Крокодил помог



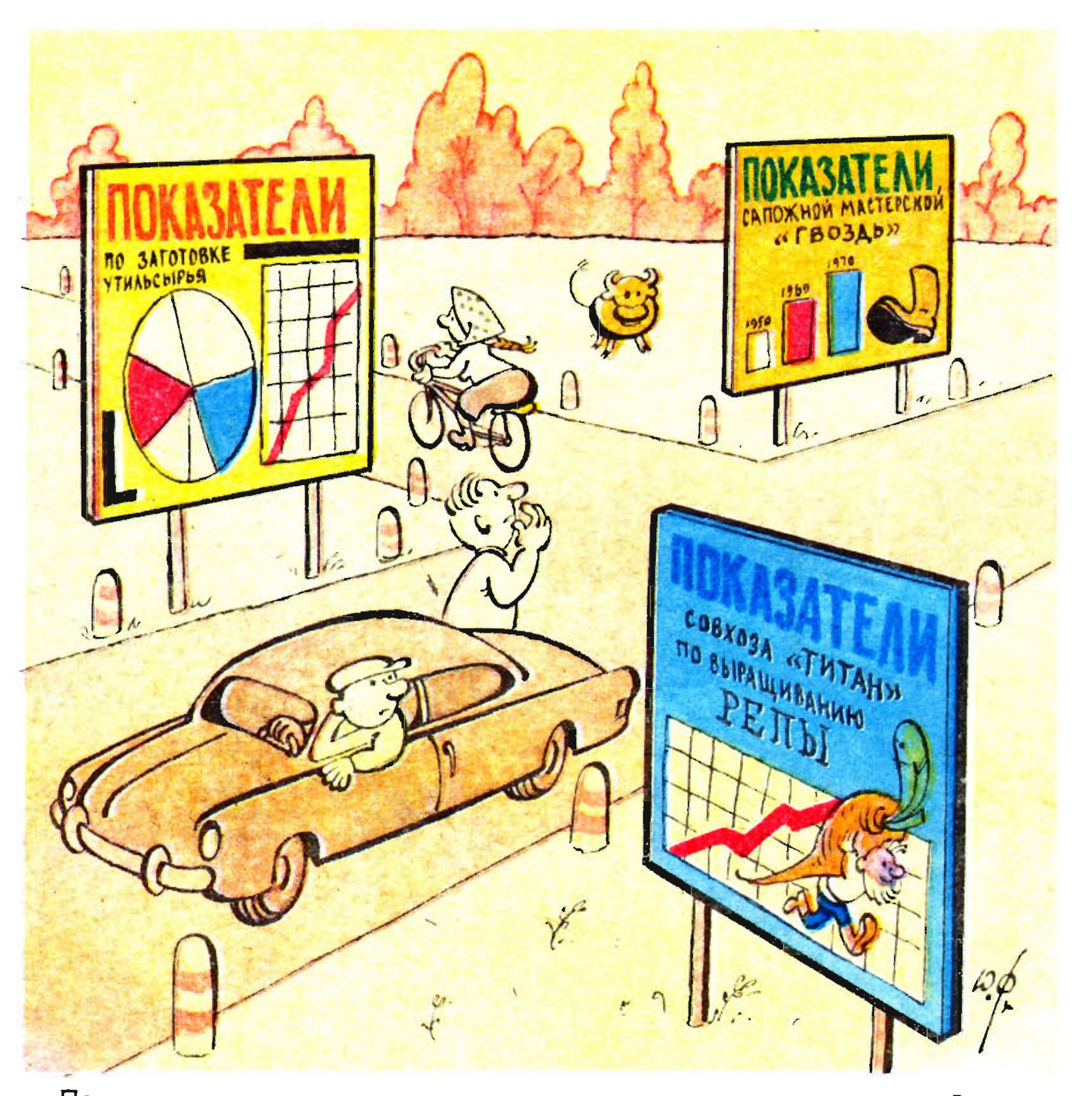
Разбитая «Скорая»

Читатели «Крокодила» помнят снимок, помещенный в разделе «Крокодильской автоинспекции» («Крокодил» № 22), на котором была изображена исковерканная машина «Скорой помощи», врезавшаяся в МАЗ.

Секретарь партоорганизации Московской областной станции переливания крови Мособлздравотдела тов. Кощеева сообщила редакции, что действительно водитель «Скорой» тов. Чеботарев превысил скорость на повороте и совершил аварию, в результате которой весь экипаж «Скорой» вместо оказания неотложной медицинской помощи другим сам попал в больницу с тяжелыми травмами.

Этот факт нарушения правил уличного движения был обсужден на общем собрании, а дело передано в суд, который принудил водителя Чеботарева возместить станции нанесенный материальный ущерб.

В целях улучшения технического обслуживания автомашин на станции переливания крови построен автогараж и введена должность старшего шофера. Перед каждым выходом в рейс машины проходят технический осмотр, ежедневно проводится инструктаж шоферов, выезжающих на линию. С шоферами ведется воспитательная работа. Тов. Чеботарев на станции больше не работает.



— Показатели, показатели,
а где же указатели?

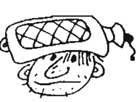
Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ



«Вступают в строй новые километры шоссейных и грунтовых дорог, возводятся автостанции. На глазах сокращаются скорости наших путешествий».

Газета «Советское Зауралье», г. Курган



«Убедительно прошу отстранить меня от должности завгара и поставить шофером, так как я часто болею и пить мне больше нельзя».

(Из заявления)
Прислал Н. Яшин, пос. Старая Майна, Ульяновской области



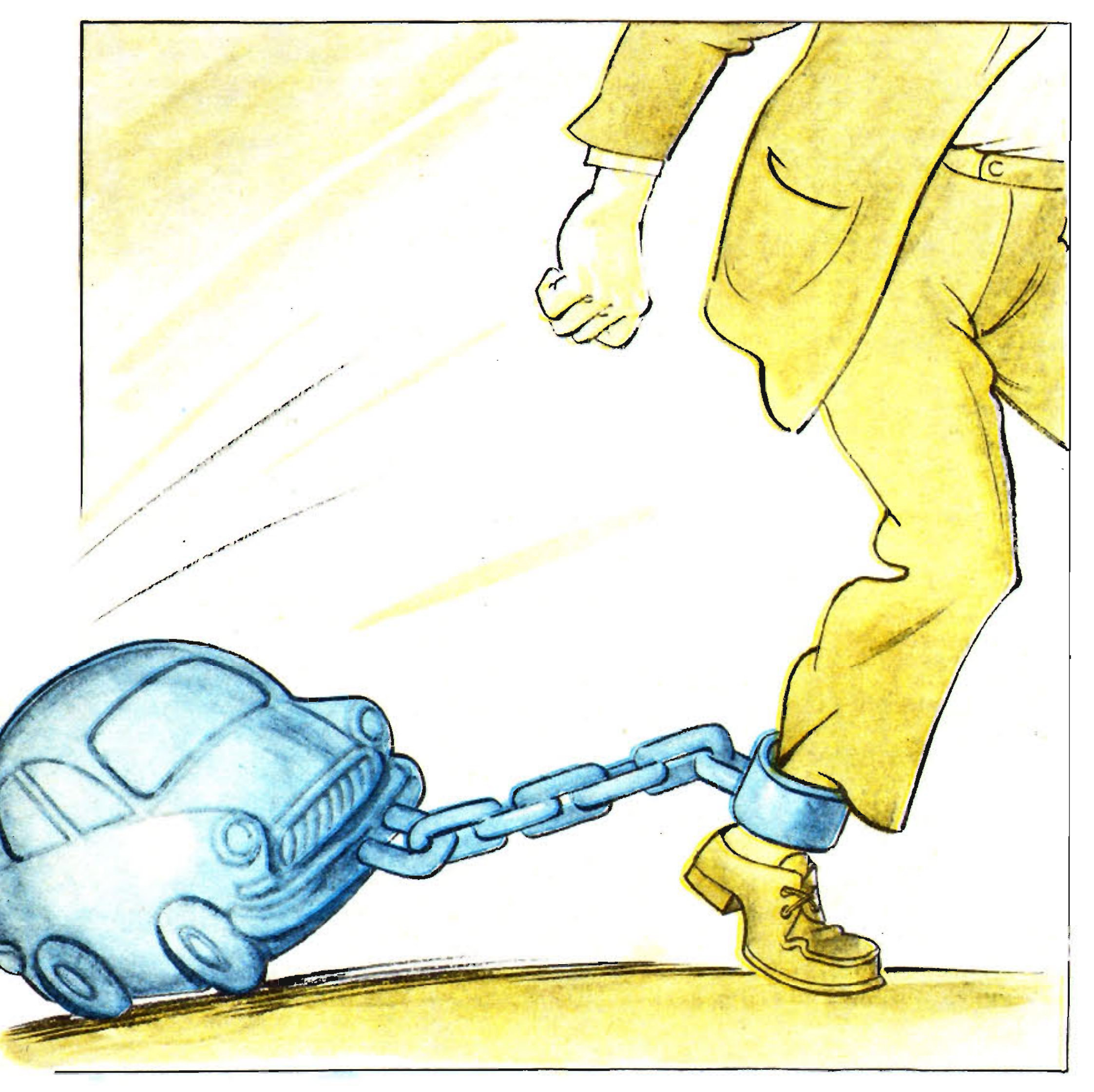
«Улицу старайтесь переходить не на зеленый сигнал светофора, а на красный и даже там, где есть пешеходный переход, вы переходите не по нему, а подальше от него».

Газета «Сельская новь», Московский район, Киргизской ССР



«Я не был на работе потому, что брат получил в г. Донецке легковую машину и утром заехал ко мне в гости. Я с ним стал пыль стирать с машины, изрядно выпил и не пошел на работу».

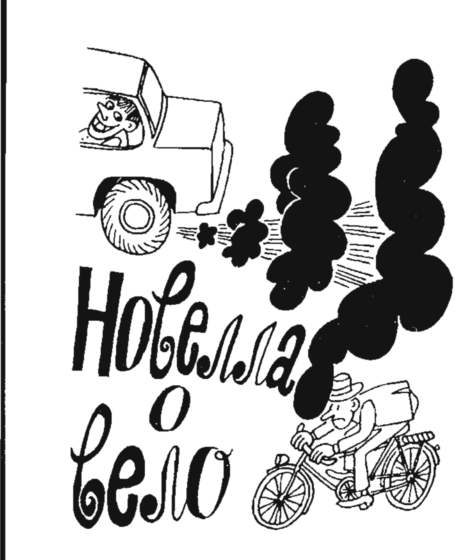
(Из объяснения)
Прислал Н. Корень, г. Дружковка



АВТОЛЮБИТЕЛЬ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Андрей КАРАСЕВ,
Сергей РЕВЗИН



Сверяю с соседом в газете таблицу,
У нас у обоих счастливые лица.
Ура! «Жигули» получает сосед!
Я выиграл тоже, но... велосипед.
И должен вам честно признаться,
друзья:
Соседу в душе позавидовал я.

* * *

Дни освоения прошли,
Открылся мне секрет:
Как ни прекрасны «Жигули»,
Милей велосипед.
И дождь, и снег, и град, и пыль —
Все это на автомобиль.
Его подтачивает ржа,
Поскольку нету гаража.
Велосипеду — что гараж!
Несу его на свой этаж.
Он двухколесный,
переносный,
Отличный
личный экипаж.
Он современен до сих пор,
Хотя сто лет как создан.
Проедет сквозь любой затор,
Не загрязняет воздух.
Нет слов, автомобиль хорош,
Красавец «Жигули»,
Но поневоле запоешь:
Ох, «Жигули», вы до чего ж
Соседа довели!
Был человек — теперь пижон,
Пешком почти не ходит он.
Цистернами он жжет бензин,
Как целый парк автомашин
В течение квартала,
Садится с шиком в лимузин
И вихрем мчится в магазин
За целых... полквартала.
А в результате только вред —
Одышка, ожиренье...
Я по сравненью с ним атлет
(Да здравствует велосипед!),
О полноте и речи нет,
Нормальное давленье.
Но вот что вам сказать хочу:
Когда по улицам качу,
Хотя я вовсе не лихач,
Рискую больше, чем циркач.
Чуть зазевался — и привет!
Глядишь, под шорох шинный
Тебя сшибет автососед
Своей автомашиной.
И я решился предложить:
Затратив средств немножко,
Близ тротуаров проложить
Особые дорожки.
Какая будет благодать
Для велосипедистов —
Не тормозить, не выжидать...
Пожалуйста, катись ты!
И пусть живет еще сто лет
И здравствует велосипед!

ДОРОГА ДЛИНОЙ В ПЯТЬСОТ ЛЕТ

Вл. МИТИН,

специальный корреспондент Крокодила

...Иван Васильевич ехал из Вологды в Кириллов... Возок нырял из ухаба в ухаб, окутываясь пылью, а Иван Васильевич тер ушибленные места. Вдобавок от тряски околел попугай, подаренный гостем из Фрязии. Прибыв в Кирилловский посад, Иван Васильевич повелел вызвать дорожное начальство. За неявкой такового Иван Васильевич стал грозен, занес посох над подвернувшимся сыном и...

...Петр Алексеевич пробирался из Вологды в Кириллов. Экипаж громыхал в рытвинах, пыль скрипела в прокуренных челюстях Петра Алексеевича. В довершение от качки сдохла обезьянка, привезенная из Гишпании. По прибытии в Кирилловский монастырь Петр Алексеевич кликнул начальника дорог. За бегством оного лик Петра Алексеевича стал ужасен. Тут попался на глаза собственный сын и...

(Из исторической хроники)

...Мы ползли из Вологды в Кириллов той же дорогой, что и наши венценосные предшественники — Иван Грозный и Петр Первый. Мы разделяли их чувства, повлекшие столь тягостные результаты. За полтысячелетия характер дороги мало изменился. Это не путь, а дикий мустанг. Пятьсот лет объезжают эту дорогу, но она брыкается, встает на дыбы или проваливается в бездну.

В межсезонье дорога практически непроходима. И только замечательное искусство водителя В. Арапова, в прошлом отличника боевой и политической подготовки, вело нас вперед.

Кувыркаясь в «Волге», мы арифметически подсчитали, что со времен царя Ивана дорога покрывалась твердым покрытием со скоростью одного километра в пять лет!

На широте деревни Кудрявцево навстречу выползло серое чудовище. С него что-то сыпалось, и оно буквально таяло на глазах. Поравнявшись, мы увидели, что это был грузовой «борт» 20-03 ВОД, терявший снопы льносоломки по пути из совхоза «Николоторский» на Новленский льнозавод.

— Стой! — взволнованно крикнули мы.— Продукт теряешь!

— Кого? — донеслось из чудища.— Ах, лен... Ничего, за нами спецмашина подбирает...

— Это еще ничего,— успокоили нас посланцы совхоза «Николоторский» водитель Казанкин и главный агроном Беляков.— А вот попытались бы вы выбраться из Кириллова на Иванов Бор!

Наш водитель Виктор Арапов досадливо дал полный газ, и мы с маху вклеились лбами в ветровое стекло. Через некоторое время мы очутились в кабинете Виктора Александровича Седунова, начальника райсельхозуправления. Придя в себя, мы рассказали Виктору Александровичу о возмутительных потерях, происходивших прямо на наших глазах.

— Только и всего-то? — воскликнул Виктор Александрович.— Несколько снопиков? Да вы присядьте...

И тов. Седунов вытащил на свет божий один любопытнейший документ. Это была справка о потерях, причиняемых бездорожьем сельскому хозяйству.

— Читайте,— приглашал тов. Седунов.— Вот наглядное подтверждение поговорки «дорога дорога, да бездорожье дороже»...

Читаем: «УДОРОЖАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ГРУЗОВ, ПЕРЕВЕЗЕННЫХ ПО ДОРОГАМ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ И ВЫЗВАННОЕ БЕЗДОРОЖЬЕМ, ДОСТИГЛО ЗА ГОД ДЕСЯТИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ!»

Еще далее уже двумя чертами подчеркнем, что эта цифра характеризует лишь грузы, имеющие отношение к селу. А подсчитал ли кто-нибудь болты и гайки, посеянные на дорогах, загубленную технику, потери разной другой продукции? Подбил ли кто-нибудь на народно-контрольных счетах потери и убытки, вызванные этаким дорожным состоянием?..

Не успели мы подумать об этом, как зашел к тов. Седунову председатель Кирилловского райисполкома тов. А. Е. Тихомиров. Он тут же потащил нас в свой кабинет, где висели уже две карты: одна — всея Вологодской области, а другая — Кирилловского района.

— Если все дороги области вытянуть и выпрямить в одну линию,— привычно начал Александр Евaристович,— то они займут почти треть экватора. Одиннадцать тысяч километров! Имеются в виду дороги республиканские, областные, местные и так называемые внутрихозяйственные...

Тов. Тихомиров вздохнул и сказал, что, несмотря на такую грандиозность, радоваться особенно не приходится: дороги в районе запущены, ремонтируются скверно.

Скажем прямо, без дипломатии: дорожные органы за последнее время техникой почти не снабжаются. Дорожные зодчие исхитряются: составляют из трех списанных самосвалов один, а из трех разбитых бульдозеров... Ну, скажите сами, товарищи, что можно соорудить хотя бы и из четырех негодных бульдозеров?

— Кстати,—полюбопытствовал тов. Тихомиров,— куда вы держите путь?

Мы ответили, что конечная наша цель — какой-нибудь наиболее отдаленный северный участок. Мы подошли к карте и приложили два указательных пальца к областной границе.

— Правильный путь, — сказал А. Е. Тихомиров.

— Вот-вот, — обрадовались мы. — Путь совершенно правильный!

— Да нет, вы меня не поняли, — засмеялся председатель. — Это так колхоз называется, «Правильный путь», Печенгский сельсовет. А танк у вас есть?

Мы ответили, что нет. Затем тов. Тихомиров пояснил, что нужен даже не просто танк, а амфибия. Иначе, как выразился А. Е. Тихомиров, «никаким каком» добраться по дороге на Чарозеро просто нельзя! Пожалуй, это была самая уникальная дорога в мире, точнее — «антидорога»...

Мы поняли, что надо пробираться в Вологду, в областное управление строительства и ремонта автодорог. Вновь бултыхаясь на ухабах, мы рисовали в своих сатирических умах такую картину: спящее управление, апатия, бездеятельность.

К счастью, все оказалось наоборот. Наблюдались: активность, грамотность, динамизм. Вологодские дорожники делают все, что в их силах. Да вот беда: с огромным трудом и скрежетом зубовным, а также механическим, идет строительство дороги по маршруту: Вологда — Тотьма — Нюксеница. Но что наделали там «ураганы»!

Тут, наверное, и вы не так поняли: «ураганы» — это не явление физгеографии, хотя и имеют к ней прямое отношение. Это грузовики, принадлежащие газовикам, базирующимся на газопроводе. Они разбивают дорогу с такой невероятной силой, что приходится почти все строить заново...

Предвидя обиды, скажем, что лидеры газовой промышленности выделяют какую-то толику на покрытие расходов, но, увы...

Напоследок мы поинтересовались, какая все-таки в Вологодской области самая непроходимая и бесперспективная магистраль. Нам ответили, что именно та, что ведет из...

* * *

...Архангельска в Вологду шел Михаил Васильевич. Он подошел к областной границе, посмотрел на «дорогу», махнул рукой и тронулся через лес, напролом в Москву. Ах, как правильно сделал наш дорогой Михайло Ломоносов!

Вологда — Кириллов (на машине), Чарозеро (в лодке), Тотьма — Нюксеница (пешком).

Последний километр, или послесловие...

Прежде чем поставить на «дороге длиной в пятьсот лет» последний дорожный столб с указателем «Крокодил», мы попросили пройтись по этой «дороге» и прокомментировать ее состояние Ивана Григорьевича Будко — начальника Главного управления республиканских и местных дорог Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР. Почему же все-таки столь ненадежно покрытие сельских трасс?

— Как для костюма требуется ткань,— метафорично разъяснил нам Иван Григорьевич,— так для дорог нужны битум и цемент. Но его поставки не возрастают, как того требует логика, а наоборот, уменьшатся. Техникой дорожников тоже угощают по чайной ложечке — за год главку по плану досталось всего несколько десятков дорожных машин.

Хиреет от безделья множество высокопроизводительных машин для цементно-грунтового покрытия дорог и в самой системе главка. Эти дорожные геркулесы могли бы строить ежегодно 2,5 тысячи километров надежных трасс, а они прокладывают 100—120 километров в год! Причина дистрофического состояния геркулесов прежняя — битумная и цементная недостаточность. По той же причине заводы, изготовляющие асфальтобетонную массу, работают вполсилы.

Теперь посмотрим на дорогу в другом ракурсе — с точки зрения колхозника, которому надоело бездорожье, и он с односельчанами решил строить дорогу своими колхозными силами. У него есть все: и техника, и желание, и даже битум, но для полного дорожного комфорта нужен банковский кредит. Колхоз получит его для чего угодно — для строительства стадиона либо бани, но только не для строительства новой дороги. Для этого кредит почему-то не положен.



НОВОЕ В ПЕРЕВОЗКЕ ПАССАЖИРОВ

Шофер-любитель К. загляделся и наткнулся на остановившуюся впереди него машину.

Инспектору ГАИ автолюбитель объяснять ничего не стал: все равно не поверит, как и он вначале не поверил своим глазам.

А дело было так.

Впереди его автомобиля шел ГАЗ-53-80-70 МКН с двумя квасными бочками. Мало ли их ходило в жарищу по Москве! Ничего в этом удивительного не было. И вдруг из открытого люка задней бочки показалась симпатичная женская головка. Она жадно похватала воздух ртом и исчезла.

— Галлюцинации,— успокоил себя К. Но в то же мгновение голова появилась снова. И тут ГАЗ затормозил, а К. на тормоза нажать не успел — загляделся. И не диво: не каждый день увидишь такое!

Оригинальный способ перевозки пассажиров придумал водитель Московского управления торгового транспорта А. Бритиков.

Поговаривают, что он хочет получить патент на свое изобретение, которое сулит резкое сокращение порожних рейсов.

Что же касается зевак вроде шофера-любителя К., то, надо полагать, со временем они привыкнут к бритиковскому методу перевозки пассажиров.

В. МИХАЙЛОВ.

НЕДОПИСАННЫЕ МЕМУАРЫ

В отделении милиции авиапассажир — он же автолюбитель — Евгений Васильевич Сараненко начал писать мемуары:

«30 июля я прощался со своими новыми знакомыми. Мы выпили две бутылки водки на 6 человек, потом две бутылки вина, потом в Симферопольском аэропорту еще по стакану вина, а потом я не помню, что было потом».

Вот ведь какая оказия! В самые яркие моменты память предательски бастует. А ведь эпизод, который не попал в мемуары из-за дефектов памяти, мог стать их подлинным украшением.

Короче говоря, если бы у Евгения Васильевича с памятью было все в порядке, он вместо слов «а потом я не помню, что было потом» написал бы следующее: «Все люди вокруг были веселыми и симпатичными, кроме дежурной, которая стала несправедливо кричать, что я пьяный и мешаю производить посадку. Пока я доказывал свою правоту, трап от самолета отъехал. Я осмотрелся, гляжу: стоит автомобиль, похож на грузовой. И тут у меня возникла мысль, что если я постараюсь, смогу на этом автомобиле попасть к себе домой раньше, чем прилетит их паршивый самолет, потому что на автомобиле мне не нужно будет делать в Ленинграде пересадку. Я сел в автомобиль и включил мотор. Ко мне сразу побежали люди, но автомобиль уже поехал задом наперед и врезался в крыло того самого самолета, который я хотел обогнать. Тут, конечно, ничего такого нет, потому что самолетов в Аэрофлоте много. Все собрались, стали доказывать, что я сломал самолет, а пассажиры вышли обратно. Это справедливо: с какой стати они должны лететь, если я остаюсь? Они сильно ругались и даже размахивали руками, и здесь я хотел бы выразить глубокую благодарность нашей славной милиции, которая меня защитила.

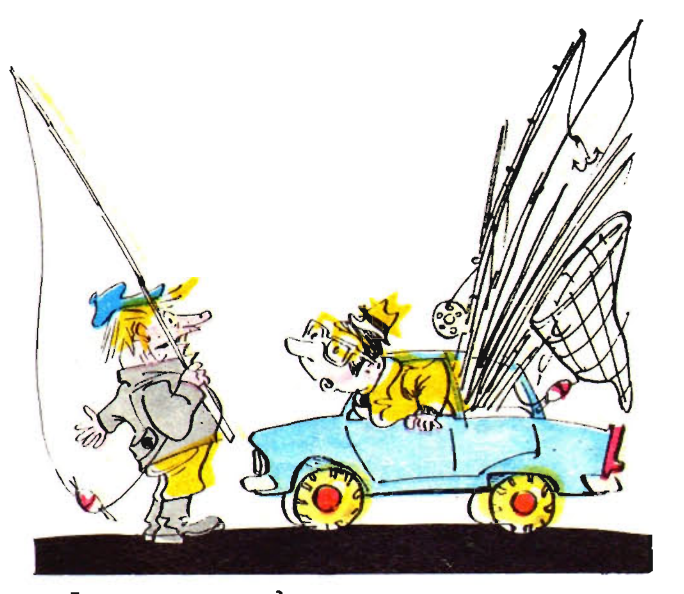
Спасибо за внимание.

К сему: Е. Сараненко».

Мемуары дописал

Т. БОЯРСКИЙ.

г. Симферополь.



— Где здесь мотель?
— Не знаю, мы на хлеб ловили...

Рисунок В. ЖАРИНОВА



— Дайте выйти!

Рисунок И. СЫЧЕВА

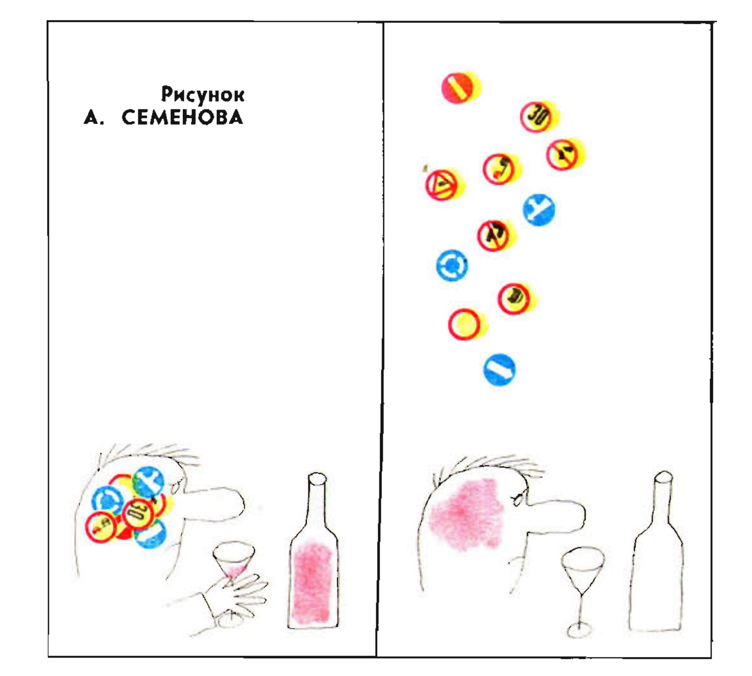


Рисунок А. СЕМЕНОВА

Мих. ВЛАДИМОВ, специальный корреспондент Крокодила



Видавшая виды «Волга» мчалась по видавшей виды дороге. Кроме меня, в ней сидели трое из «Центродорстроя». Только что мы пересекли Московскую кольцевую, и они объяснили: «Наш трест строил!»,— потом дорогу на совхоз «Московский»: «И это мы!». Теперь машина объезжала скопления дорожной техники, людей в канареечных жилетах.

— И эт-то в-вы стр-роит-те? — с трудом сформулировал я вопрос на тряской дороге.

— Не-нет, э-то-о н-не м-мы. Эт-то ч-чин-нят.

Вдруг «Волга» пошла необыкновенно плавно, нежно. Как на воздушной подушке! На столбике мелькнуло «106».

— Вот с этого километра — мы!

Так я попал на трассу строящейся бетонки «Москва — Калуга — Брянск». 7,5-метровая лента, идеально ровная, прорезанная только температурными швами, не пересекала городов, почти не касалась сел, была странно безлюдной и безмашинной. Лишь позади нас катил какой-то ЗИЛ с прицепом и плакатиком «Мангышлак — Одесса»...

Но указатели давали понять, что от бетонки можно просто попасть в невидимые отсюда «г. МЕДЫНЬ», «г. ЮХНОВ», «г. ДЕГТЯНКУ», «г. КАЛУГУ»...

— Разве есть такой город — Дегтянка?

— Нет! Это ваш брат, местный юморист, подшутил: стер в букве «С» (село) нижнюю черточку!..

Юморист? А может быть, провидец? Ведь такая трасса, словно ветка листьями, быстро обрастает новыми стройками. Свидетельство тому — Калужская область, самая бездорожная в прошлом (калуга — это же калюжина, калюжа, лужа), она преображается на глазах, получив современную дорогу.

«Мангышлак» шел за нами буквально по пятам. Мы остановились. И он затормозил. Мы поехали. И он! Запахло чем-то детективным... Не подавая виду, мы вовсю мчались к строящемуся 217-му километру. Дальше московские строители везти меня не обещали.

Отсюда медленно двигался в сторону Киева целый поезд бетоноукладывающих машин, оставляя за собой голубое, как река, полотно. Лазурность придавала ему пленка помароли.

— Это новинка наша... А вот еще: машина Симоненко для нарезки швов... Диагональный брус для выравнивания бетона.

— А вот и главный художник дороги!

Человек в пропыленной спецовке стоял на откосе, у бульдозера и, протянув вперед руку с выставленным большим пальцем, что-то прикидывал на глаз. Потом он сел на могучий бульдозер и плавно двинулся вдоль обочины, вписывая только что уложенную бетонку в местность искусно и тонко. У художника было два звания — Герой Социалистического Труда и заслуженный строитель республики. А звали его Николай Махонин.

Он по профессии — дорожник,
Зовут художником его.
И он действительно художник,
Хоть не рисует ничего.
Дороги, дамбы и плотины —
Вот «передвижника» багаж.
Художник создает картины,
Дорожник создает пейзаж!..

— Куда ты!!! — громом раздалось за спиной. И тут же зарычал двигатель. Оглянувшись, я увидел ЗИЛ «Мангышлака», который передними колесами вскочил на еще не затвердевший бетон, а перед ним — строителя, у которого беззвучно шевелились губы, как в известной сцене из фильма «Председатель». «Мангышлак» дал обратный ход и так, задом наперед, укатил за линию горизонта...

А вскоре тем же путем отбыл отсюда и я. У поворота на Калугу — все еще задом наперед — стоял «Мангышлак». Водитель обиженно посетовал:

— Я вам поверил... А вы... так подвели... меня!

Оказалось, еще при выезде из Москвы, у светофора, он случайно услышал оброненную нами фразу «До Киева», и... все остальное вам известно.

Трое моих спутников остались на трассе, а я отбыл поездом Кишинев — Одесса.

...Было похоже, что я шагнул по другую сторону зеркала. В машине, кроме меня, находилось трое, но уже из «Киевдорстроя». И ехали мы в обратную сторону — на Москву. И снова у белого полотна я встречал таких же дорожников-художников, только с другими фамилиями: Глушко, Халецкая, Бажанов, Заморкин...

У бригадира-ветерана СУ-848 Марии Глушко два ордена: один — за 7-ю пятилетку и за 8-ю. Начинала трассу с нуля, а теперь позади три сотни километров. Начинала ученицей-бетонщицей, а теперь у ее учениц есть свои ученицы!

Да! Магистраль и к ней вела!..

И если Глушко называют «профессором бетона», то Григория Лавренко, ныне начальника ведущего стройучастка, дипломника ХАДИ,— не иначе, как «магистром дорожных наук»!

Зеркально-симметричны не только победы, но и пробелы.

— Дорогу для автомобилей строим, а сами без автотранспорта! — говорит начальник СУ-848 А. П. Панарин.— 50 процентов машин у нас уже «списанные», остальные подлежат списанию в 1973 году.

— Вы к нам по поводу булочки приехали? — спрашивали меня механизаторы на участке Жиздра — Зикеево.

— Нет... Какой булочки?

Оказалось, зикеевская пекарня Жиздринского райпотребсоюза выпекает настолько кисло-липко-несъедобный хлеб, что дорожники послали его «образец» в Москву. (То же самое, только с несъедобными котлетами, сделали и дорожники «Центродорстроя», питающиеся в столовой Бабынинского райпотребсоюза.)

И верно: для дорожников-передвижников, оторванных от своих «баз», может быть, важнее

Не букеты, а буфеты
И столовые хорошие,
Не буклеты, а котлеты
И свекольники с окрошками.

Новая дорога борется за новый дорожный знак — качества. Но бывают и огрехи: тут осело 60 метров бетона (земляное полотно подвело), там плиты полезли одна на другую (швы не выдержали резкого перепада температуры). Это следы поспешности или небрежности.

Наследило на дороге и пьянство! Возле Жигуничей на солидном участке дороги увековечил свой след некий бульдозерист, возвращавшийся с ночной попойки по незатвердевшему бетону...

Впечатать по-разному можно свой след
В жизни:
Построить, допустим, университет
В Жиздре.
Забить, как Пеле, хитроумных голов
Сотни,—
Оставив потомкам и ног и голов
Оттиск...
А можно пол-литра в себя опростать
Сразу.
А после по свежей бетонке поддать
Газу.
И будут петлять километр или два
Траки,
Чтоб знала дорога — вся! — «Киев — Москва»
Об этом
Хмельном
Герострате!

В глухом, болотистом лесу, где кончался бетонный путь с юга, я с изумлением заметил знакомый ЗИЛ с прицепом!

— «Мангышлак!» Ты? Какими судьбами? Еще туда?

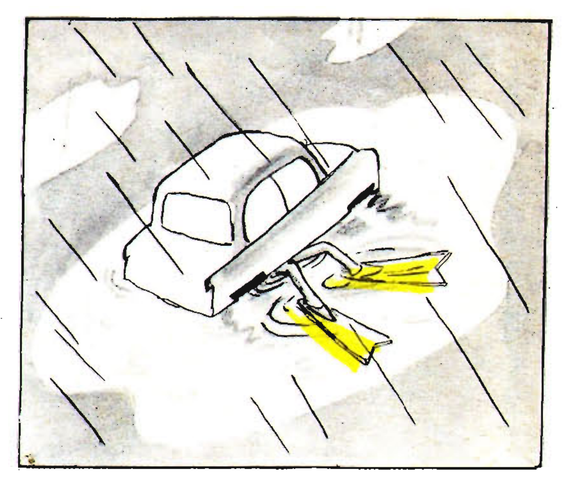
— Нет, уже оттуда. Был в Одессе. Быстро обернулся. Не дорога, а сказка!.. Да... Эх, опять дал маху. Думал, пока там езжу, тут уже соединятся! — наивно воскликнул он.

Но сказка эта не так скоро сказывается! Пришлось объяснить «Мангышлаку», что он поспешил ровно... на два года.

Правда, в мире уже существует машина, которая делает два километра бетонки в смену! Для нормальной работы ей требуется полторы сотни 25-тонных самосвалов, много другой техники и даже два самолета... У нас же пока дневной результат — несколько сот метров.

Но дорожники с двух сторон неудержимо идут к заветной встрече в 1974 году. Она у них, как и у космонавтов, называется стыковкой.

А можно и так!



Человек-амфибия.

Рисунок А. ГРУНИНА



— Но зато далеко не улечу на ухабах.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

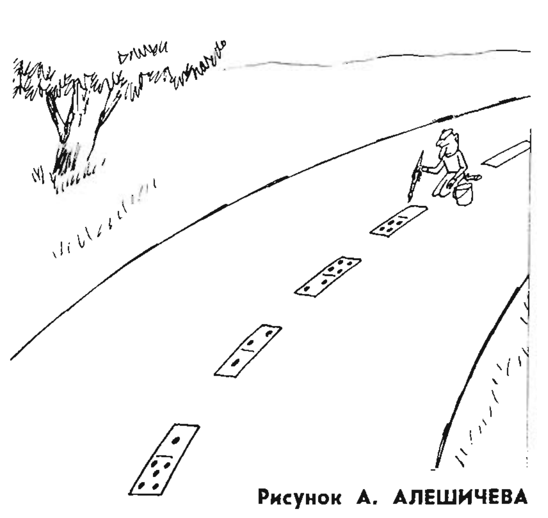


Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Евг. ДУБРОВИН, специальный корреспондент Крокодила

КАК Я СТАЛ СВЕРХЧЕЛОВЕКОМ

БРОСИЛ я курить и, естественно, вскоре купил автомобиль. Ну, конечно, собрались друзья окропить колеса. Купили банку мойвы, ну, квасу, разумеется. Сидим, кропим. Тут раскрывается дверь, и входит в гараж некто с узкой талией. Почти супермен. Чуть-чуть не сверхчеловек.

— Здорово, брюхатики,— говорит.— Мойвой баночного посола балуетесь?

Голос где-то слышал вроде. Глянул я внимательней и обомлел. Это же мой знакомый Димка! Он тоже бросил курить, тоже купил машину и месяц назад укатил на ней в отпуск в Крым.

Тут поднимает Димка рубашку и втягивает живот. А на животе проступают пупырышки от позвоночника, что на той стороне.

— Автомобиль,— говорит Димка,— не повод для закусона, а средство укрепления здоровья.— И с этими словами хватает заводную рукоятку и давай крутить мотор со страшной силой, а ключ-то от зажигания у меня.

Смотрим: мотор без зажигания завелся. Тут Димка воздух перекрыл — все равно работает. Бензин отключил — еще пуще заработал.

Стоим мы, как дураки, с мойвой во рту, а Димка улыбается смущенно так:

— Это я, чтобы квалификацию не терять. В Крыму научился. Ну, а теперь и червячка заморить можно. Нет ли у вас, ребята, хека серебристого, только размороженного и с тухлинкой? И воды стаканчик. Только технической.

Тут один из нас выплюнул мойву и как закричит:

— Ты что, псих ненормальный, смеешься над нами, что ли?!

— Раз нет, то и так перебьемся. Пошел я домой,— говорит Димка, а сам никуда не идет, а достает из кармана торцевой ключ и начинает колеса у моей машины откручивать.

Тут я уж совсем испугался.

— Ты зачем колеса-то мои снимаешь? — спрашиваю шепотом.

— Ах, извини,— говорит Димка.— Забылся. Думал, что это моя машина. У меня сейчас привычка такая появилась: колеса и фары с собой носить.

Попрощался со всеми за руку и ушел. А я из-за этого психа покой потерял... Честно говоря, до этого я думал, что автомобиль действительно средство для закусона, ну немножко для передвижения, но чтобы при помощи его живот почти на свет просматривался, хек тухлый полюбился, мотор без бензина работал, технической воды хотелось... Мучился я, мучился, а потом плюнул на путевку в Дубулты и подался на машине в Крым — занетерпелось и мне стать сверхчеловеком.

ЕВПАТОРИЯ

Пляж был девственно чист. Одна голубая волна накатывалась на другую, еще более голубую волну. При виде этого чудесного пляжа я сделал то, что сделал бы каждый нормальный человек на моем месте. Для начала я вытащил правую ногу из правой штанины.

— Стой! — вдруг слышу крик.

Смотрю — ко мне бегут трое. И мотоцикл мчится. И, кроме того, неподалеку хмурая группа людей показывает на меня указательными пальцами.

Почувствовав неладное, я заскочил назад в штанину.

— Ты что хотел делать?

— Не подумайте ничего плохого, ребята,— отвечаю.— Просто решил искупаться.

— А ну повтори!

— Хотел искупаться.

— Он хотел искупаться, представляете? Прямо на глазах.

— Вот так стараешься, стараешься, вкапываешь для них, а они даже читать не хотят,— покачал головой один из хмурых людей.

Я поднял голову и со страхом увидел, что остановился как раз возле столба с надписью: КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. ОСТАНОВКА ЗАПРЕЩЕНА. ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ ЗАПРЕЩЕНО. Я перевел взгляд дальше и обнаружил целую вереницу таких столбов, уходящих за горизонт. Их было так много, что, наверно, поэтому я их и не заметил.

— Но ведь нельзя же так сразу, без пищи, купания и стоянки,— говорю я.— Надо же постепенно.

— А мы и так постепенно. За городом есть стоянка. Там разрешается ночевать, но нет пищи. Можно остановиться в центре города. Там есть пища, но негде ночевать.

«Здорово! — подумал я.— Вот как начинается сверхчеловек. Могли бы сразу лишить всего, и никуда бы не делся, а вот все-таки проявляют автochеловеколюбие».

Получив дырку в правах, чтобы впредь присматривался к столбам, я поехал на пригородную стоянку и с удовольствием переночевал там на голодный желудок. Затем я наелся как следует в Евпатории и провел там восхитительно-бессонную ночь, слоняясь вокруг автостоянки, где находился мой автомобиль. Начало было положено. Я начал превращаться в сверхчеловека.

Смущала только лежащая впереди Ялта. Не испортит ли мне она все дело? Небось, понастроили всяких там отелей, мотелей, кемпингов. Закормят, запоят, захолят, и начинай все сначала.

ЯЛТА

Оправдались самые худшие опасения. Стоянка в самом центре города: до моря рукой подать, до базара вообще пальцем шевелить не надо. Охрана. Из крана течет не техническая вода. Не стоянка, а прямо дом отдыха.

Но делать нечего. Расположился, похаживаю на базар, пью воду, шучу с охраной, в общем, хуже некуда.

Вдруг в 20.00 охрана берет под мышку потрепанную амбарную книгу и говорит:

— Ну, я пошел.

— Как «пошел»?

— Да очень просто. У нас стоянка только до 20.00 охраняется. Ежели погулять захотите, забирайте мелочи с собой, остальное целое будет. Да, выхлопную трубу возьмите обязательно, потому что дефицит.

Ну, это уже другое дело. Не соскучишься.

Вечером, захватив колеса, стеклоочиститель, фары и выхлопную трубу, гулял по ялтинской набережной. Завтра — в Коктебель.

Уже кое-что умею. Например, обходиться без бензина. Делается это так: соскабливается сера с 300 коробок спичек, добавляется порох от 200 охотничьих патронов. Смесь заливается серной кислотой. Соль и перец по вкусу. Заправленный таким способом автомобиль делает 500 километров в час и достигает ближайшей заправочной станции всего за два часа.

Отскочило колесо. Учусь ездить на трех.

КОКТЕБЕЛЬ

Сильно волновал Коктебель. Там, рассказывают, прямо неправдоподобная стоянка: на берегу моря, с контейнером для отходов, туалетом, питьевой водой. Как бы побороть искушение — проскочить ▶

— Он первый начал!

Рисунок В. ШКАРБАНА

КАК Я СТАЛ СВЕРХЧЕЛОВЕКОМ

Со стр. 13.

мимо. Но ох, как трудно, руки сами поворачивают машину к золотому берегу, глаза отыскивают удобное местечко. Вот и будка сторожа. Выходит рослый человек, расправляет широченные плечи.

— Проезжай... проезжай... не задерживайся...

— Переночевать... Я на трех колесах...

— Стоянка запрещена, купание запрещено, приготовление пищи запрещено. Чего же надоедать? Поспать не дают.

С облегчением включаю стартер. Пронесло... Теперь можно жать до Феодосии.

Отскочило второе колесо. Научился ездить на воздушной подушке и заваривать чай в радиаторе. Здорово! Кипяток на каждом километре!

Впервые вблизи Феодосии набрал каких-то диких злаков. Вполне пригодные в пищу. А какая польза государству! Правильно делают, что возле магазинов ставят знак «Остановка запрещена».

ФЕОДОСИЯ

Остановился на стоянке «Золотой пляж». Все, что видел раньше,— ерунда. В Феодосии работают настоящие энтузиасты своего дела, работают творчески, с выдумкой.

Взять хотя бы название стоянки — «Золотой пляж». А на самом деле вовсе это никакой не золотой пляж, а типичное болото. В Крыму вообще трудно найти болото, но его нашли, устроили возле автостоянку и любовно назвали «Золотым пляжем».

Или вопрос с туалетами. Проблема туалетов на прочих нетворческих стоянках решена весьма примитивно — просто-напросто их нет. Золотопляжцы же туалеты построили, но, чтобы попасть туда, надо: 1. Преодолеть ограду. 2. Вскарабкаться на высоту 7 м. 3. Пробежать по мосту 16 м. 4. Спуститься на 7 м. 5. Преодолеть полосу песка глубиной 0,5 м, шириной 25 м и т. д.

Хорошо придумано и с умывальником. Он вкопан непосредственно в болото. В болоте же размещен и бак с питьевой водой. Туда ведет дорожка, которую называют «тропою сильных». Не каждому, пошедшему по этой тропе, суждено вернуться...

Полил дождь. Болото, естественно, вышло из берегов. Учусь мелиорации. Горд тем, что дренажная система вокруг моей машины не хуже, чем у автомобилистов-аборигенов.

Появились двое на лодках. Неужели решили осушить болото? Зачем? Чтобы построить здесь кемпинг? Вот глупость! Разве можно портить этот уголок девственной природы? Нет, слава богу, не осушают. Просто льют в воду какой-то мазут, видно, решили избавиться от комаров. А кому они мешают, бедолаги? И так у них в Крыму последнее болото осталось.

О, боже! В 01 час 26 минут, выкуренные невыносимым зловонием мазута, из болота на стоянку двинулись полчища лягушек. Они шли тысячами, сомкнув ряды. Среди автотуристов паника. Льют кипящее масло, жгут бензин, копают рвы. Вот когда пригодился перекидной мост в туалет! На нем дети, старики и женщины. Наиболее слабые духом покидают в спешном порядке стоянку.

Вот это жизнь! Как в романах Майн Рида. Не соскучишься!

Ну, иду я это, значит, после отпуска по улице, мускулами поигрываю, живот к позвонкам то прилеплю, то отклею, дыхание то задержу, то совсем выключу, а навстречу мне человек с упитанной физиономией движется.

Ба! Да это же Димка! Увидел меня, позеленел от зависти.

— Мойвой балуешься? — спрашиваю.— Машину на платную стоянку со всеми удобствами отогнал, а сам на перине спишь? 93-й бензин без всякой очереди заливаешь? Эх, ты! Постыдился бы! Совсем форму потерял!

— Скорее бы другое лето,— проворчал Димка,— да опять в Крым.

Москва — Крым.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Психиатр успокаивает пациента:

— Вы говорите, что мимо вашего окна ездят грузовики и шоферы заглядывают в спальню? Это еще не значит, что у вас расстройство психики.

— Правда, доктор?

— Конечно.

— Но я забыл вам сказать, что живу на шестом этаже.

●

— У меня отобрали водительские права.

— За что?

— Нашли слишком мало крови в алкоголе.

●

— Как вы думаете, что сказала бы ваша жена, если бы вы приобрели машину?

— Следи за светофором! Быстрее! Медленнее! Сюда! Нет, туда! Не врежься в трактор! Внимание, слева грузовик. Переключи, наконец, скорость! Боже мой, когда ты только научишься водить машину? И так далее...

●

— Мы сейчас едем со скоростью сорок километров в час.

— Откуда вы знаете, у вас же не работает спидометр?

— А он мне и не нужен. При двадцати километрах в час у меня постукивает крышка капота. При двадцати пяти начинает гудеть задний мост. При тридцати — дребезжать стекло правой дверцы. При скорости тридцать пять километров в час у меня во рту дрожит вставная челюсть.

— А какой у вас показатель превышения допустимой скорости?

— О, мне это не нужно. При пятидесяти километрах машина начнет рассыпаться...

●

Шотландец покупает старую, подержанную машину. Он долго торгуется и наконец спрашивает:

— Скажите, а сколько бензина потребляет эта машина?

— Ну, вам не следует об этом беспокоиться. На каждые сто километров пробега надо не более одной ложки бензина.

Покупатель удовлетворен, успокоился, но вскоре прибегает и спрашивает продавца:

— Скажите, а какой ложки: столовой или чайной?

●

Заведующий отделом кадров спрашивает нанимающегося на работу водителя:

— У вас есть какие-нибудь рекомендации от вашего прежнего шефа?

— Да, конечно! Он много раз рекомендовал мне подыскать другое место...

●

— Вчера я ехал со скоростью 120 километров в час и потерял колесо.

— И вы не разбились?

— Нет, что вы, это было запасное колесо.

●

— Ты знаешь, что такое автотурист?

— Нет.

— Это человек, который едет за тысячу километров, чтобы сфотографироваться рядом со своим автомобилем!

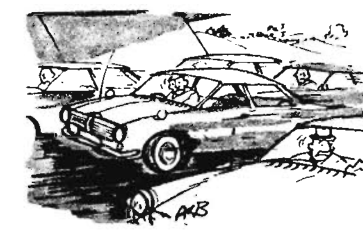
●

Два маленьких мальчика беседуют:

— Ты знаешь, я очень боюсь. Когда папа купил новую машину, он продал старую.

— Ну и что же?

— А теперь мне сказали, что мама собирается купить нового мальчика.



— Езжай осторожно. Только что передали по радио, что еще одна страховая компания разорилась.

«Бостон глоуб», США.



— Это ты сказал, что надо уходить последними со стадиона, чтобы легче было найти нашу машину...

«Сьемпре», Мексика.

Х. БЕНАДОВ
(Болгария)

НАША УЛИЦА

Еще не так давно наша улица была тихой, спокойной — такой, какие любят воспевать эстрадные певцы и певицы.

Конечно, абсолютно тихой ее называть нельзя. В центре ее размещается пожарная команда, и частенько после полуночи с треском распахиваются ворота и оттуда, рыча, словно сказочный змей, одна за другой вылетают огненно-красные машины. Сирены воют так пронзительно, что просыпаются даже запеленатые младенцы. Ко всему этому мы, однако, привыкли и уже, не ложась в постели, дожидаемся возвращения доблестных борцов с огненной стихией. А уж потом непробудно засыпаем.

Впрочем, «непробудно» — это, пожалуй, не совсем точно. Есть и еще кое-что, заставляющее многих среди ночи продирать глаза: это булочная-кондитерская на первом этаже нашего дома. В два-три часа после полуночи сюда подходят груженные свежим хлебом машины. Из магазина выбегают люди в белых халатах и — с громким смехом, с веселой бранью — принимаются кидать пустую деревянную и металлическую тару. Спустя минут сорок головы с вытаращенными глазами, ожидающие конца «перестрелки», прячутся в глубине окон и наступает тишина. Ее в 6—7 часов утра нарушают мусороуборочные машины. Они поднимают урны с мусором с такими пневматическими вздохами, с какими слоны делают утреннюю зарядку. Мы привыкли и к этому...

Но привыкнуть к тому, что наша улица превратилась в центральную артерию вывоза со всего города пустых бутылок, было труднее. Звонко брякающие грузовики круглые сутки идут с патологически правильными интервалами, а жители нашей улицы с опухшими от бессонницы глазами не могут заснуть, даже когда пытаются их считать.

Правда, эту монотонность за последнее время регулярно нарушают мотоциклисты, которые именно при въезде на нашу улицу поднимают дикий треск.

Поняв, что наша улица превратилась в подготовительные курсы для поступающих в психиатрические лечебницы, мы решили обратиться в городские организации. Жалобу собирался написать по поручению всех соседей лично я. Но тут...

Тут, проверяя лотерейные билеты, я обнаружил, что выиграл мотоцикл! 250 кубиков!

Когда его привели к нашему подъезду, красного зверя окружили все домочадцы. Внуки с разбегу вскакивали в седло, дети трогали ручки, нажимали педали. Затем слово взяла жена:

— Я надеюсь, мой друг, ты немедленно продашь это рогатое бедствие, и мы купим тихую стиральную машину и пылесос.

Мое мнение было диаметрально противоположным:

— Я сам буду ездить на нем!

Спустя некоторое время я явился в ГАИ.

— Хотите получить права, дедуся? — поинтересовался дежурный майор.— А когда будем справлять 80-летие?

— Мне и семидесяти еще нет,— сказал я смущенно.

— Гм... А очки у вас с диоптрией минус 25?

— Что вы, товарищ майор, всего шесть!

Покачав головой, он назначил день испытаний.

Спустя месяц я на «отлично» сдал теорию. Практика тоже шла хорошо. Только в самом конце я свалил знак «Остановка обязательна!».

— Вы сделали это с таким блеском, что я выдал бы вам права немедленно,— сказал майор.— Однако другие члены комиссии хотели бы посмотреть это еще разок! Подготовьтесь к повторному испытанию.

Я стал готовиться. Ровно в пять утра я садился в седло моего могучего «Балка» и с грохотом в продолжение двух часов объезжал свой квартал.

Все взаимоотношения с соседями были прерваны. Они смотрели на меня так, будто я украл у них половину имущества.

Практические испытания я сдал блестяще. В нагрудном кармане у меня — права! Теперь по вечерам я сажаю свою старушку на заднее сиденье и вихрем гоняю по софийским улицам. Само собой разумеется, по нашей уличке тоже. Плохо, конечно, что ее жители почему-то ждут, чтобы я врезался в самосвал или наоборот.

Я на них не сержусь. Я счастлив: теперь мне не мешают спать ни пожарная команда, ни хлебобулочные грузовики, ни треск чужих мотоциклов. Теперь я сплю, как младенец!



— Ему больше ни капли: он ведет машину!

«Дейли миррор», Англия



— Ладно! Я ехал слишком быстро! Но ведь и вы тоже!

«Билледбладет», Дания

Робер ЛАМУРЕ
(Франция)

ПАПА, АВТОМОБИЛЬ И Я

— Мсье, — обратился я к владельцу машины, за которой мы следовали с самого утра по дороге в Суасон. — Я хочу поговорить с вами по поручению моего отца. Он был бы вам весьма благодарен, если бы вы ответили на два-три вопроса о тех странных маневрах, которые вы начали проделывать, как только мы выехали из Парижа. Мой отец хотел бы задать вам эти вопросы лично, но, к сожалению, в данный момент он находится среди груды развалин, которые полчаса тому назад были нашей машиной. Что касается меня, то я только что появился именно оттуда, поэтому прошу извинить меня за мой непрезентабельный вид.

Итак, когда два часа назад мы выехали из Парижа, вы находились позади нас. Однако, едва проехав километров пять, вы повернули почему-то сначала налево, потом направо, а затем промчались прямо через открытый рынок. Через двенадцать километров вы догнали нас и пронеслись мимо, как дуновение ветерка, вследствие чего мы оказались в правом кювете. Мы, однако, успели вытащить нашу машину и догнать вас, поскольку вы несколько замедлили скорость, сбив пять зонтиков над столиками у придорожного кафе.

Когда мы вновь увидели вас, ваш «ситроен» прыгал по середине шоссе, как девочка через веревочку. Из уст очевидцев мы узнали, что вы, заставив какой-то грузовик продолжать путь по картофельному полю, разрубили пополам повозку с сеном. Мы встретили вас еще раз после того, как вы, перескочив через кювет, приближались к нам на третьей космической скорости. Мы выжили на этот раз только потому, что мой отец успел, к счастью, врезаться прямо в каштан, в чем вы можете удостовериться. «Сын мой, — сказал мне отец, приходя в себя под обломками машины,— найди этого мсье и узнай, откуда у него столько темперамента».

— Мсье,— вежливо ответил мне водитель «ситроена»,— когда я выехал за вами из ворот Виллет, я опустил оконное стекло, чтобы выбросить окурок сигары. Случилось так, что вы в тот момент сделали то же самое с той лишь разницей, что, пока мой окурок спокойно падал в кювет, ваш попал в мой автомобиль, угодив прямо ко мне в жилет, который тотчас же загорелся. У меня не было опыта в раздевании на скорости сто тридцать километров в час...





— Не поступил ли я опрометчиво, доверив тебе руль, дорогая?

«Пуркуа па?», Бельгия

КРОКОДИЛ
№ 27 (2037)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, Е. Ведерников, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, И. Норинский, Л. Немировский, А. Семенов, И. Сычев.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 8/IX 1972 г. А 00978. Подписано к печати 19/IX 1972 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 179 450). Изд. № 1620. Заказ № 3463.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70 448



Рисунок В. ЧИЖИКОВА.